

ТАЛЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

ЕКАТЕРИНА ЕРМИЛОВА
SKSLM

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ, ВСТРЕЧАЮЩЕЙСЯ В
АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВИКТОРИАНСКОГО
ПЕРИОДА, НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Магистерская работа

Научный руководитель: лектор Б. И. Балясный, PhD

Таллин 2015

Содержание

Введение	3
1. Перевод диалектной лексики как переводоведческая проблема	7
1.1. К истории вопроса	7
1.2. Литературная норма и нелитературные разновидности языка	14
1.3. Понятие территориального диалекта в английском языке	17
1.4. Реализация лексических единиц территориальных диалектов в художественной литературе	23
1.5. Прагматический аспект перевода	30
1.6. Особенности перевода исторических текстов	35
2. Возможности перевода диалектной лексики	37
2.1. Анализ фрагментов романа «Грозовой перевал», выполненный Н. Вольпин и И. Гуровой	37
2.2. Анализ фрагментов романа «Север и юг» и его перевода, выполненного В. Григорьевой, И. Гуровой и Е. Первушиной	48
2.3. Анализ фрагментов романа «Тэсс из рода Д'Арбервиллей», выполненный А. В. Кривцовой	56
Выводы	64
Заключение	68
Библиография	69
Лексикографические источники	71
Литературные источники	72
Kokkuvõte	73

Введение

Настоящая работа посвящена проблеме перевода лексики, принадлежащей территориальным диалектам, в произведениях английской художественной литературы. В заглавие вынесен лексикологический аспект, однако, проблема будет рассматриваться в комплексе. Разграничение уровней языковой иерархии и сопоставление языковых систем двух языков может быть актуально для сопоставительного языкознания и языкознания в целом, теория перевода же рассматривает не системы языков, а речевые произведения, т. е. тексты (Бархударов 2010: 27, Комиссаров 2011: 52). В речи различные языковые уровни (фонетический, морфологический, лексико-фразеологический и т. д.) находятся в сложном взаимодействии, и для теории перевода важно рассмотреть их с точки зрения их семантической отнесенности. Перевод осуществляется не в сфере языка, а в сфере речи (Рецкер 1974: 28), именно поэтому лексические единицы, принадлежащие к территориальным диалектам, не могут рассматриваться в отрыве от речевых высказываний.

В работе нами будут рассмотрены особенности перевода диалектных высказываний и лексических единиц, принадлежащих территориальному диалекту, в частности на современный русский язык.

Цель данного исследования – выявить и теоретически обосновать возможности перевода лексических единиц, принадлежащих к территориальным диалектам. В ходе исследования мы также попытаемся определить, какие особенности диалектной речи персонажей литературных произведений должны быть отражены в переводе и на каких языковых уровнях это может быть сделано.

В качестве **объекта** исследования выступают территориальные диалекты английского языка.

Предмет исследования – возможности передачи лексических единиц, встречающихся в речи персонажей художественной литературы, принадлежащих к территориальным диалектам.

Для достижения поставленной цели в настоящем исследовании предполагается решение следующих **задач**:

- 1) Дать определение понятию «диалект» в английском языке.
- 2) Рассмотреть возможности реализации лексических единиц, принадлежащих к территориальному диалекту, в художественной литературе.
- 3) Дать определение понятию «литературно-диалектные высказывания». Выявить механизм соотношения в них диалектной лексики, слов разговорного стиля и просторечий в тексте оригинала.
- 4) Проследить, как отражаются разными переводчиками особенности оригинального текста, содержащего диалектную лексику, в переводе.
- 5) Соотнести оригинальные тексты разных авторов, содержащие лексические единицы территориально диалекта, с текстами перевода, чтобы выявить основные возможности передачи диалектной лексики. Обнаружить различия в использовании языковых средств в соответствующих текстах в двух языках.

Методология исследования основывается на положениях теории перевода, разработанных Л. С. Бархударовым, В. Н. Комиссаровым, Я. И. Рецкером, А. В. Федоровым и другими учеными. **Методами** исследования являются сопоставительный анализ и компонентный анализ.

В качестве **материала** исследования были использованы фрагменты следующих художественных произведений и их переводов на русский язык: E. Bronte „Wuthering Heights“ и перевод этого романа, выполненный Н. Вольпин и И. Гуровой; E. Gaskell “North and South” и перевод этого романа, выполненный В. Григорьевой, И. Гуровой и Е. Первушиной; T. Hardy “Tess of the D’Urbervilles” и перевод этого романа, выполненный А. Кривцовой.

Выбор этих произведений определен тем, что персонажи в них говорят на территориальном диалекте английского языка. В настоящей работе будут рассмотрены тексты на языке оригинала, принадлежащие к аналогичному функциональному стилю и жанру. Все они были созданы в 50–90 гг. XIX в., во время правления королевы Виктории (1837–1901), и составляют золотой фонд викторианской литературы. Мы сопоставим текст романа «Грозовой перевал» Э. Бронте с текстом перевода. Затем рассмотрим диалектные особенности близкого по жанру, функциональному стилю и времени создания «Север и юг» Э. Гаскелл и то, как они отображаются в переводе. И,

наконец, проанализируем диалектные особенности и возможности их перевода на примере романа Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Во всех этих произведениях довольно остро затрагивается проблема социального неравенства и межклассовых отношений, столь актуальная в Англии этого периода, поэтому в них хорошо представлена диалектная речь персонажей, принадлежащих к низшему социальному классу.

Почему мы руководствуемся произвольной выборкой фрагментов? А. И. Смирницкий отмечал, что «речь исторически образовавшейся совокупности общающихся между собой людей в целом практически необозрима, и ее общая масса непрерывно растет, поскольку люди продолжают говорить, думать, писать. Поэтому в действительности мы всегда имеем дело лишь с таким материалом исследования, который представляет собой только некоторую более или менее случайно, естественно или искусственно ограниченную часть данной речи. Тем не менее, если эта часть достаточно велика и разнообразна по составу, по ней все же можно судить вообще о речи данного общества на протяжении соответствующего времени его исторического развития. Это оказывается возможным потому, что каждый отдельный акт речи имеет в своем составе большее или меньшее число единиц, являющихся лишь воспроизведениями единиц, входящих в состав других актов речи. Поэтому, если мы изучаем лишь $1/n$ часть всей массы данной речи, то мы все же можем иметь уверенность в том, что в остальной $n - 1/n$ массе речи очень многое будет тем же самым, что нам известно по изученной $1/n$ части» (Смирницкий 1957: 9–10).

Актуальность работы заключается в том, что возможности передачи диалектной лексики не получили достаточного освещения в переводоведческой литературе, несмотря на то, что многие теоретики перевода затрагивали проблему перевода диалектизмов в своих работах. Авторами чаще всего называется возможный путь передачи диалектной лексики с помощью просторечий и стилистически сниженной лексики, но подробно механизм соотношения в речевом высказывании единиц диалектной лексики и слов, относящихся к пласту разговорной и нелитературной лексики, рассмотрен не был. Одним из самых распространенных приемов при переводе диалектной лексики называют также компенсацию, однако на вопрос, какие именно особенности диалектной речи персонажей литературных произведений должны быть переданы, однозначного ответа нет. В нашем исследовании мы рассмотрим альтернативные варианты передачи диалектных единиц в переводе, а также

постараемся выявить, на каких языковых уровнях могут быть переданы отклонения от языкового стандарта. Проблема рассматривается в комплексе, поэтому нами затрагиваются разные языковые уровни: фонетический, морфологический, лексико-фразеологический и синтаксический.

Теоретическая значимость данного магистерского исследования состоит в том, что нами рассматриваются и уточняются некоторые аспекты теории перевода, касающиеся проблемы перевода диалектизмов, в частности диалектной лексики.

Практическая ценность исследования заключается в том, что основные положения и выводы, полученные нами в ходе работы, могут быть использованы в переводческой практике, а также могут быть применены на лекциях при обучении студентов.

Структура магистерской работы обусловлена поставленными целями и задачами исследования. Магистерская работа состоит из введения, истории вопроса, двух глав, заключения, библиографии, списка лексикографических источников, списка литературных источников и резюме на эстонском языке.

Во *введении* обосновывается актуальность исследования, определяются его объект, предмет, цель и задачи, раскрываются теоретическая значимость и практическая ценность, указываются используемые методы и материалы исследования.

В *первой главе* приводится история вопроса, содержатся теоретические положения, анализируется понятие территориальных диалектов, дается определение литературно-диалектных высказываний. Рассматривается также возможность реализации диалектной лексики и единиц, принадлежащих территориальному диалекту, в произведениях художественной литературы и стратегии их перевода.

Во *второй главе* на материале фрагментов из художественных произведений и их переводов на русский язык анализируется лексический состав литературно-диалектных высказываний, механизм взаимодействия в них единиц различных лексических пластов, рассматриваются возможные способы перевода диалектной лексики.

В *заключении* подводятся итоги и обобщаются результаты исследования.

1. Перевод диалектной лексики как переводоведческая проблема

1.1. К истории вопроса

По словам русского советского поэта и публициста К. И. Чуковского, перевод диалектной лексики – наиболее трудный вопрос в работе переводчика: «Среди проблем переводческого искусства есть одна наиболее трудная. До сих пор она не получила разрешения ни в теории, ни на практике. Да и вряд ли ее разрешение возможно, хотя оно и необходимо до крайности. Это проблема такая: как переводить просторечие? Как переводить диалекты?» (Чуковский 1988: 125)

Возможность разрешения этой проблемы нам предстоит выяснить в ходе дальнейшей работы, но, бесспорно, сегодня теория перевода шагнула далеко за пределы тех логических построений, которые излагает К. И. Чуковский.

Книга «Высокое искусство» в жанре литературно-критического эссе К. И. Чуковского не раз переиздавалась: в 1936 г. она увидела свет под заглавием «Искусство перевода», а окончательный ее вариант появился в печати в 1964 г.. Прообразом ее послужила брошюра под названием «Принципы художественного перевода», вышедшая в 1919 г., на заре становления теории перевода как научной дисциплины, хотя переводческая традиция, конечно же, уводит нас на столетия в прошлое, к переводной письменности в Древней Руси. Столь отдаленное прошлое не является объектом нашего рассмотрения, ведь речь в работе идет о переводе на современный русский язык, формирование которого, как известно, приходится на конец XVIII – начало XIX вв., когда «не только в оригинальной литературе, но также и в переводной (главным образом в стихотворных переводах) совершался процесс выработки литературного языка – шли упорные творческие поиски» (Федоров 1983: 42). Поэты, стоявшие у истоков русского литературного языка – М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, В. С. Тредиаковский, Г. Р. Державин – исходили из общепринятого классицистического понимания задачи творца, их переводы были рассчитаны на усовершенствование оригинала. Осознание важности работы переводчика привело к тому, что во второй половине XVIII в. было основано общество по переводу иностранной литературы – «Собрание, старающегося о

переводе иностранных книг» (1768–1783). В его состав входило 114 членов, в числе которых был и А. Н. Радищев.

Во время активной творческой деятельности Г. Р. Державина зародилась тенденция, которая довольно долго была распространена среди переводчиков, а затем на волне революционно-демократических настроений снова вернулась на арену. Эта тенденция заключалась в русификации иноязычного произведения, в перенесении его реалий на русскую почву. В. А. Жуковский и П. А. Катенин перенесли действие баллады Г. Бюргера «Ленора» в Россию, полностью заменив не только хронотоп, но также имя заглавной героини («Людмила» и «Ольга») и даже стихотворный размер.

Переводы, составляющие значительную часть от всего творчества В. А. Жуковского, отличаются большой художественной ценностью, однако они не точны, проникнуты романтическим субъективизмом, их отличает вольное обращение с текстом оригинала. Несмотря на свои классицистические воззрения на природу перевода, самым трудным для перевода жанром В. А. Жуковский считал басню, и неслучайно, ведь басня в классицистической иерархии жанров относится к низкому жанру, отличается живостью бытовых сцен и грубостью языка, включающего использование просторечной лексики (например, басни А. П. Сумарокова). В. А. Жуковский объяснял трудности, возникающие при переводе басни тем, что все языки схожи по своему характеру в отношении высокого стиля, и подобрать языковые эквиваленты не трудно, а вот простонародная речь гораздо труднее поддается переводу.

К. И. Чуковский писал о проблеме перевода простонародной речи: «В двадцатых годах прошлого века перед переводчиками встала проблема: как же передавать на русском языке народную речь, встречающуюся у иностранных писателей? Некоторые решили передавать ее соответствующими эквивалентами русской *народной* речи» (Чуковский 1988: 103).

К примеру, О. И. Сенковский в своей статье «Одиссея и ее переводы» (1849) заявил, что «просторечие какого бы то ни было языка может быть переведено только на просторечие другого языка» (Чуковский 1988: 103). О. И. Сенковский призывал к тому, чтобы переводить собственные имена греческих богов согласно славянской языческой мифологии, а «Одиссею» переводить с помощью русской простонародной лексики.

О. И. Сенковский не был одинок в своих убеждениях, на волне демократических устремлений русского дворянства, в 1850 г. вышла статья филолога и переводчика с греческого языка Б. И. Ордынского, который также призывал к тому, чтобы заменить высокий «штиль», каким переводили «Одиссею» и «Иллиаду» Гомера, разговорным.

Конечно, нельзя обойти стороной знаменитого русского поэта А. С. Пушкина, который оказал огромное влияние на формирование русского литературного языка и литературы. А. С. Пушкин переводил литературу самых разных жанров. В ранний период своего творчества он еще следовал принципам классицизма, а в поздний период, как отмечает А. В. Федоров, А. С. Пушкин «всемерно сохранял, даже выделял элементы народного своеобразия и, в частности, черты местного и исторического колорита, иногда подчеркивая их и соблюдением стихотворной формы оригинала, непривычной для русской поэзии его времени» (Федоров 1983: 45). Взгляды А. С. Пушкина на перевод нашли свое выражение в его статье «О Мильтоне и Шатобриановском переводе “Потерянного рая”», в которой он резко выступал против основанных на принципах классицизма французских переводов XVII–XVIII вв. Поэт был также против буквального перевода.

Середина XIX в. ознаменовала собой подъем революционно-демократических идей в России. Писатели-разночинцы, считавшие, что искусство должно служить народу, противостояли реакционной либеральной интеллигенции и дворянству. Тем не менее их сближал общий творческий метод: донести до читателя «впечатление» от перевода, которое вызывает оригинал у носителя языка. Это подразумевает и перенесение иностранного колорита на русскую почву (характерные черты русского быта, переименование героев) и зачастую достаточно вольное обращение с оригиналом.

Особое место в истории перевода английской художественной литературы на русский язык принадлежит И. И. Введенскому, первому переводчику Ч. Диккенса, У. Теккерея и Ш. Бронте (издававшейся тогда под именем Коррер-Белль) в России. К. И. Чуковский, фактически отрицая его переводческие заслуги, пишет: «Все беллетристическое дарование Иринарха Введенского, весь горячий его темперамент, вся пластика его языка не могли придать силу и действенность его ошибочным и пагубным теориям о “художественном воссоздании писателя”» (Чуковский 1988: 264). Среди немногочисленных положительных особенностей переводов Иринарха

Введенского К. И. Чуковский называет также особое чувство юмора переводчика, созвучное с традицией Н. В. Гоголя и гармонирующее со стилем Ч. Диккенса.

Введенский был горячим сторонником русификации иностранного текста, часто игнорируя национальный колорит произведения: «Перенесите переводимого вами писателя под то небо, под которым вы дышите, и в то общество, среди которого развиваетесь, перенесите и предложите себе вопрос: какую бы форму он сообщил своим идеям, если б жил и действовал при одинаковых с вами обстоятельствах?» (Чуковский 1988: 263).

Именно благодаря Введенскому русский читатель XIX в. получил возможность познакомиться с произведениями английской литературы, которые сегодня признаны классикой, но с позиции накопленных знаний в сфере теории перевода – его переводы пестрят грубыми фактическими ошибками и, что совершенно недопустимо, фрагментами его собственного сочинения (он становится как бы соавтором переводимого писателя), которые сам Введенский считал принципиальным звеном своей переводческой концепции, апеллируя к метафизической сущности «духа автора», выразителем которого он, как переводчик, являлся.

В конце века, с распространением декадентского образа мыслей, как ученые, так и писатели и поэты-символисты) высказывались о возможности перевода пессимистически. А. А. Потебня был сторонником теории неперевоаемости, В. Я. Брюсов, хоть и переводил французских поэтов, точный перевод считал задачей трудновыполнимой. Необходимо оговориться, что теорию неперевоаемости мы не будем рассматривать в нашей работе, поскольку в работе исходим из основных положений теории перевоаемости, разработанной советскими теоретиками перевода.

Теоретическую разработку вопрос о переводе просторечий и диалектной лексики получил только в советский период развития переводоведения и смежных наук. В XIX и начале XX в. речь шла об умозрительных концепциях, которые часто были излишне субъективны, кроме того, перевод осуществлялся единицами для единиц. Революция 1917 г. внесла в этот процесс свои коррективы.

В 1919 г. под руководством М. Горького было создано издательство «Всемирная литература», способствовавшее переводу большого количества авторов иностранной, в том числе и английской литературы: переводили Д. Г. Байрона, С. Т. Кольриджа, Ч.

Диккенса, В. Скотта, Б. Шоу, Г. Д. Уэллса, Д. Лондона и т. д. В работе принимали участие А. А. Блок, В. Я. Брюсов, М. Л. Лозинский, К. И. Чуковский, Ф. Д. Батюшков, А. А. Смирнов, В. М. Жирмунский и другие. Этот период примечателен возникновением нового массового читателя, для которого осуществлялись переводы.

В это же время новый виток получает научная мысль. С развитием переводной художественной литературы закономерно возникают вопросы по ее переводу. В научном сознании все еще превалировала мысль и о невозможности «идеального» перевода, что говорило об изначально неверно поставленной задаче. Теория перевода нуждалась в выработке тех принципов, по которым можно было бы судить о соответствии оригинала и перевода.

А. В. Федоров отмечает вклад Ю. Н. Тынянова, который предложил рассматривать литературное произведение как систему, в которой все элементы подчинены конструктивной функции. Это же применимо и к языку литературного произведения.

В 1930 г. появились переводы таких выдающихся переводчиков (в том числе и английской литературы), как М. Л. Лозинский, С. Я. Маршак, Ю. Н. Тынянов и др. Позднее к ним присоединились В. В. Левик, И. А. Кашкин, Т. Г. Гнедич, Н. М. Любимов, М. Ф. Лорие, Е. Д. Калашникова, Н. А. Дарузес, В. М. Топер и т. д.

В 1941 г. вышла книга А. В. Федорова «О художественном переводе». Создатель «реалистической теории перевода» И. А. Кашкин в своей книге «В борьбе за реалистический перевод» раскритиковал подход А. В. Федорова, обвинив его в формализме. В основе теории И. А. Кашкина лежала литературоведческая теория перевода и познание действительности за переводимым текстом, проникновение в «затекст», что не могло обеспечить критериев равноценности языковых средств (Рецкер 1974: 3).

В 1950 г. была опубликована статья Я. И. Рецкера «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык», где был показан системный характер значительной части языковых соответствий при переводе. По мнению В. Н. Комиссарова, эта статья положила начало разработке лингвистической теории¹.

¹ Комиссаров В. Н. 2011. Современное переводоведение / Вступ. статья Д. И. Ермолович. М.: Р. Валент. С. 7–8.

Сам Я. И. Рецкер считал, что основы лингвистической теории перевода в России были заложены А. В. Федоровым в 30-х гг. в курсе лекций по теории перевода (Рецкер 1974: 3), а затем в его работах «О художественном переводе» (1941), «Введении в теорию перевода» (1953) и в неоднократно переиздававшемся учебнике «Основы общей теории перевода» (1958, 1968).

В 1973 г. выходит монография В. Н. Комиссарова «Слово о переводе», где ученый изложил свою оригинальную концепцию перевода, основанную на уровнях эквивалентности. Проблемой эквивалентности занимались также Ю. Найда – в книге «К науке переводить» (1964) он противопоставлял формальную и динамическую эквивалентность, Дж. Кэтфорд в монографии «Лингвистическая теория перевода» (1967), различавший «связанный» и «несвязанный» перевод.

Непосредственно проблема перевода диалектизмов попутно затрагивалась большинством авторов: К. И. Чуковским в «Искусстве перевода», Л. С. Бархударовым, В. Н. Комиссаровым в работах разных лет. А. В. Федоровым в «Основах общей теории перевода» проблема перевода диалектизмов рассматривается несколько более подробно в рамках возможности передачи лексической окраски слова.

В связи с переводами с английского языка на русский особого упоминания заслуживает выпущенное В. Н. Комиссаровым, Я. И. Рецкером и В. И. Тарховым в 1960 г. «Пособие по переводу с английского языка на русский», где рассматриваются различные приемы перевода на лексическом и грамматическом уровне, однако проблема перевода диалектизмов в пособии не поднимается.

В книге чешского исследователя И. Левого «Искусство перевода» (1963) содержатся размышления о том, как, главным образом, не следует переводить диалектизмы, однако, как и в других случаях, эта тема не получает достаточно подробного освещения.

Возможности перевода диалектизмов рассматривается в книге болгарских теоретиков перевода С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе». Этой проблеме посвящена целая глава, однако, перевод диалектизмов рассматривается наряду с переводом просторечий, жаргонов, аргю и ломаной речи, поэтому затрагиваются лишь общие моменты, о которых уже упоминалось в других исследованиях.

Трудности в разработке теории перевода диалектизмов могут объясняться тем, что в Советском Союзе долгое время не было работ, посвященных непосредственно проблеме территориальных диалектов английского языка и нестандартной лексики.

В 1980 г. М. М. Маковским была издана небольшая монография «Английская диалектология», в которой синхронно (на фоне существующего языкового стандарта) рассматриваются особенности современных английских территориальных диалектов Великобритании.

«Нестандартная лексика английского языка» Т. М. Беляевой и В. А. Хомякова (1985) – первое монографическое исследование английской нестандартной лексики. Их целью было комплексное изучение функциональных и семасиологических характеристик нестандартной лексики английского «национального» языка. В работе особенно подчеркивается коммуникативная функция языка, взаимодействие языка и общества. Однако диалекты в работе не рассматриваются.

В последнее время появляются работы молодых исследователей, которые стараются более подробно осветить вопрос передачи диалектизмов. Так, диссертационная работа М. И. Яковлевой «Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста» (2008) направлена на рассмотрение приема компенсации при передаче диалектизмов, которые она относит к стилистически сниженной лексике.

Несмотря на то, что проблема перевода «народной речи» и, в частности, диалектизмов, затрагивалась в России уже с начала XIX в., нельзя назвать ее достаточно основательно разработанной.

1.2. Литературная норма и нелитературные разновидности языка

Г. А. Золотова предлагает коммуникативную модель национального языка в виде центра и периферии, в которой все его формы соотнесены соответственно их культурно-коммуникативной роли социума. В центр помещаются формы устно-разговорного и книжно-письменного языка, другие формы находятся на периферии, в разной степени отдаленности от центра. Отмечается, что эти периферийные формы существуют на основе той же языковой системы, с некоторыми грамматическими особенностями, отличиями в лексическом составе и коммуникативной ограниченностью (Золотова 2004: 10). К отдаленным формам относят неисконную и эмигрантскую русскую речь, диалекты, научно-технические и профессиональные языки (в том числе язык работы с компьютером).

По О. Лаптевой, национальный язык является средством общения людей, принадлежащих к одной нации, в него входят литературный язык, территориальные диалекты, просторечия, жаргоны. Литературный язык называется ядром национального языка на основании того, что он выполняет все функции и обслуживает все темы, необходимые для обеспечения совместной языковой жизни нации, тогда как другие перечисленные разновидности национального языка характеризуются ограниченной функциональностью (Лаптева 2003: 17).

По определению М. И Фоминой, национальный русский язык – это вся совокупность языковых средств народа, в том числе диалектных и профессиональных. Выделяется особый пласт – литературная лексика и фразеология, отличающийся от общенациональной лексики четкой нормированностью, при этом нормы узаконены письменно и закреплены правилами и словарями современного литературного языка.

Итак, в качестве основных свойств литературного языка можно выделить: а) традиционность и письменную фиксацию; б) общеобязательность норм и их кодификацию; в) многофункциональность; г) взаимодействие и соотнесенность двух основных сфер литературного языка – разговорной и книжной речи; д) стилевую дифференциацию языковых средств выражения.

Разговорная речь может содержать элементы всех уровней языка, в том числе и нелитературную (нестандартную) лексику, включая диалектизмы, просторечия и сленг.

Земская отмечает специфические условия функционирования разговорной речи (под которой она понимает особую языковую систему): неподготовленность акта коммуникации; непринужденность акта коммуникации; непосредственное участие говорящих в акте коммуникации.

Г. А. Золотова считает, что «среди лингвистических характеристик разговорной речи можно разграничить ее типичные, константные элементы и частотные, вероятные, но переменные, наличие которых зависит от обстановки, среды, жанра высказывания, но больше всего от индивидуальности говорящего, меры владения речью, психологического состояния, отношений с собеседниками» (Золотова 2004: 13). Г. А. Золотова отмечает, что многие морфологические и синтаксические средства могут иметь связь с разговорной речью. Например, суффикс *-ну-* принадлежит к общелитературному языку, а его экспрессивный вариант *-ану-* диалектного происхождения связан с разговорной речью (Золотова 2004: 13–14).

В разговорной речи могут функционировать элементы нестандартной лексики, например, просторечия. Поскольку при анализе переводов мы не раз будем касаться этого языкового явления, считаем нужным охарактеризовать его. Как уже отмечалось выше, просторечие относится к периферии языка. Г. А. Золотова различает два вида просторечий: 1) набор разного рода грамматических, орфоэпических, семантических и других отклонений от норм литературного языка, а также сниженной, грубой, вульгарной лексики в речи городского населения. Подчеркивается, что это язык людей, не владеющих в достаточной степени литературным языком как родным: «В речи этой среды смешиваются и следы местного, диалектного происхождения, профессиональных и молодежных жаргонов, лексика бытовых номинаций, устарелых и новейших, слова иноязычные в искаженном звучании, слова и обороты официально-делового и разговорного обихода, нередко перенятые из общественного быта, из средств массовой коммуникации» (Золотова 2004: 16). И далее: «Для просторечной среды характерна и бедность речевых ресурсов, и повышенная экспрессивность при крайней ограниченности средств ее выражения, нередко «субстандартных», и неосознанность сочетания разностильных элементов, при отсутствии выбора, да и самой проблемы выбора» (Золотова 2004: 16); 2) просторечиями называют отдельные слова и обороты сниженной окраски, которая включается в речь людьми, говорящими на литературном языке, с экспрессивной целью.

Т. М. Беляева и В. А. Хомяков отмечают, что в основе традиционного подхода к рассмотрению языковых форм вне пределов литературного английского языка, вся английская нестандартная лексика подразделяется на «низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы, специальные сленгизмы (жаргонизмы, кентизмы) и вульгаризмы. Под английским лексическим просторечием ученые понимают «сложную лексико-семантическую категорию – определенный фрагмент словарного состава национального языка, т. е. известным образом упорядоченное и обладающее структурой иерархическое целое, представляющее совокупность социально детерминированных лексических систем (жаргоны, арг) и стилистически сниженных лексических пластов («низкие» коллоквиализмы, сленгизмы, вульгаризмы), которые характеризуются существенными различиями и расхождениями в основных функциях и в социолексикологическом, прагматическом, функционально-семантическом и стилистическом аспектах» (Беляева, Хомяков 1985: 4).

Эти нестандартные формы языка также называют «разновидностями языка», «вариантами», «подъязыками» и т. д. Все они противопоставляются литературному языку (литературному стандарту или языковой норме).

И. В. Арнольд отмечает: «Система языка определяет общие возможности употребления его элементов, а норма – то, что реально употребляется, принято и понятно в данной языковой общности в зависимости от конкретных условий общения» (Арнольд 2010: 317). И. В. Арнольд предлагает «представить себе систему языка как модель абстрактную, норму – как модель статистическую и индивидуальную речь – как эмпирически наблюдаемый материал» (Арнольд 2010: 316).

Т. М. Беляева и В. А. Хомяков считают, что норма в том или ином виде присутствует во всех формах существования языка. Говоря о норме экспрессивного просторечия, он называет ее стилистической нормой второго уровня. Хомяков определяет ее как совокупность изменений в традиционных способах отбора, своеобразное социально-стилистическое варьирование языковых явлений, не принятых обществом на определенном этапе его развития за правильные и образцовые с потенциальными возможностями стать таковыми или исчезнуть из употребления» (Беляева, Хомяков 1985: 20).

1.3. Понятие территориального диалекта в английском языке

В центре настоящего исследования – диалекты английского языка и возможности их перевода на русский язык. В первую очередь необходимо дать определение понятию диалекта в английском языке.

Приведем несколько определений из словарей. Большой академический словарь русского языка (в дальнейшем – БАС) дает такое определение диалекта – разновидность языка, употребляемая ограниченной группой людей, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью. По данным Oxford Dictionary of English (в дальнейшем – OED) диалект – особая форма языка, характерная для того или иного региона или социальной группы. В данной работе мы будем придерживаться определения М. М. Маковского, которое, на наш взгляд, отражает это понятие наиболее полно: «диалект – это разновидность (вариант) данного языка, употребляемый более или менее ограниченным числом людей, связанных территориальной (и одновременно социальной или профессиональной) общностью» (Маковский 1980: 11).

В современной лингвистике различают две сферы употребления термина «диалект»: лингвистическую и бытовую. В бытовом плане диалекты воспринимаются как варианты существующего литературного языка, и даже как «отступление» и «искажение» стандартной нормы, язык и диалект противопоставляются друг другу. В данной работе мы не разделяем этой точки зрения.

В современной лингвистике диалекты рассматриваются как различные варианты одного национального языка. Каждый носитель языка говорит на каком-либо диалекте этого языка, и ни один из диалектов не может превосходить другой в лингвистическом отношении (Chambers, Trudgill 1993: 3).

Как отмечает известный социолингвист П. Траджилл, четкого территориального деления между тем, где начинается область употребления одного диалекта и начинается другая, не существует. Диалекты формируют континуум. В дальнейшем мы, вслед за П. Траджиллом, встаем на позицию в отношении Традиционных диалектов, как если бы (*as if*) они действительно существовали отдельно для удобства нашего исследования.

Необходимо различать понятия «акцент» и «диалект» в английском языке. Диалекты отличаются друг от друга произносительной нормой, лексическим составом и грамматическими особенностями, тогда как акцент – это только особенности произношения. Местные акценты на определенной территории могут иметь много общих черт в произношении и составлять территориальный или ареальный акцент. К примеру, в Великобритании Йоркширский, Ланкаширский и Чеширский акценты составляют единое понятие «северный акцент» (Соколова, Тихонова и др. 2010: 160).

Причины диалектной вариативности следует искать в истории развития языка. Английский язык, как и любой другой язык мира, постоянно меняется, и эти перемены происходят в разных частях страны. Некоторые изменения могут распространиться на большие территории и, в конце концов, охватить всю страну, но гораздо чаще остаются в пределах определенной территории, что и приводит к возникновению диалектной вариативности (Trudgill 2000: 8).

Важно подчеркнуть, что стандартный английский не может быть признан «правильным», а другие диалекты – «неправильными». Бытует мнение, что стандартный английский и есть настоящий английский язык, а другие диалекты – всего лишь девиации и отклонения от нормы. По словам Э. Сепира, «говорящие на местных диалектах начинают стесняться своих специфических речевых форм, поскольку последние лишены престижной значимости стандартизованного языка; и в конце концов создается иллюзия существования основного языка, обслуживающего обширную область, являющуюся территорией проживания нации или национальности, и множества местных форм речи как некультурных и испорченных вариантов основной нормы. Однако хорошо известно, что эти отклонения от стандартной нормы с исторической точки зрения гораздо более архаичны, чем норма, от которой, как считается, они отклоняются»². Базой для английского литературного стандарта послужили традиционные диалекты юго-восточной Англии. Благодаря тому, что в этой местности расположены Лондон, Оксфорд и Кембридж, где и сегодня находятся королевский двор и правительство, эта разновидность полинационального языка получила такой высокий статус (Trudgill 2000: 13). Э. Сепир подчеркивает связь протестантских течений с распространением языкового стандарта: «стандартизацию английского и немецкого языков часто связывают с воздействием Библии Лютера и

² Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии.
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sep/14.php

Библии короля Якова. В более поздний период огромную роль в распространении стандартизованных форм речи сыграли возросший уровень всеобщего образования и необходимость установления взаимопонимания в деловой сфере»³.

Как совершенно справедливо отмечает М. Маковский, «местные диалекты никак нельзя признать «вульгарной речью», употребляемой “необразованными” слоями общества, как утверждают некоторые авторы. Такое суждение антиисторично и неверно фактически, ибо, во-первых, литературная норма, как правило, складывается на основе одного или нескольких местных диалектов; во-вторых, языковые особенности любого местного диалекта обусловлены не “небрежностью” речи его носителей, а строгими историческими закономерностями» (Маковский 1980: 16). М. Маковский приходит к выводу, что представлять речь носителей диалекта как сплошь состоящую из диалектизмов – неверно, ведь язык – сложное общественное явление, подверженное различным влияниям (широкое распространение литературного стандарта, межтерриториальные контакты, влияние профессиональных и социальных языковых образцов, урбанизация).

Стандартный вариант английского языка от территориальных диалектов отличает, главным образом, социальное значение и функция, которую он выполняет в обществе. П. Траджилл утверждает, что «стандартный английский не является в лингвистическом отношении более совершенным. Он не более «чист» или правилен, чем другие формы речи» (Trudgill 2000: 14). Возможность использования этого диалекта зависит от ситуации и от представлений самого говорящего. Правильность речи определяется не логическими или этимологическими критериями, а только употребительность в речи образованных носителей языка (Арнольд 2003: 316). Единственное превосходство, которое имеет стандартный английский – это превосходство социального характера.

Фомина отмечает две возможные трактовки понятия «диалектизм»:

1) диалектные слова и устойчивые сочетания слов, используемые в художественных, публицистических и других произведениях, а также в литературном языке, но не входящие в его лексическую систему;

³ Там же.

2) фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, семантические и другие особенности, присущие тем или иным диалектам в сопоставлении с литературным языком.

Сегодня, когда языковой стандарт оказывает все возрастающее влияние на диалектную речь, границы распространения нечеткие, классифицировать диалекты становится труднее. Тем не менее, диалектологи во главе с А. Эллисом, которым была предпринята наиболее серьезная попытка классификации, выделяют следующие группы и подгруппы диалектов (приводится по книге М. М. Маковского «Английская диалектология»):

Северные диалекты (Northern)

- 1) Нортамберленд, сев. Дарем
- 2) Южн. Дарем, большая часть Камберленда, Уэстморленд, сев. Ланкашир, холмистая часть Вест-Райдинга в Йоркшире
- 3) Ист Райдинг и Норт-Райдинг в Йоркшире

Средние диалекты (Midland)

- 1) Линкольншир
- 2) Юго-вост. Ланкашир, сев-вост. Чешир, сев-зап. Дарбишир
- 3) Сев-зап. Ланкашир, южн. Риббл
- 4) Средний Ланкашир, остров Мэн
- 5) Южный Йоркшир
- 6) Большая часть Чешира, сев. Стаффордшир
- 7) Большая часть Дарбишира
- 8) Ноттингемшир
- 9) Флин, Денбай,
- 10) Вост. Шропшир, южн. Стаффордшир, большая часть Уорикшира, южн. Дарбишир, Лестершир

Восточные диалекты (Eastern)

- 1) Кембриджшир, Ратленд, сев-вост. Нортхемптоншир
- 2) Большая часть Эссекса, Хартфордшира, Хантингдоншира, Бедфордшир, средняя часть Нортхемптоншира

- 3) Норфолк и Саффолк
- 4) Большая часть Бакингемшира
- 5) Миддлсекс, юго-вост. Бакингемшир, южн. Хартфордшир, юго-зап. Эссекс

Западные диалекты (Western)

- 1) Зап. и южн. Шропшир (к западу от реки Северн)
- 2) Херфордшир, кроме вост. его части, Рэднор, вост. часть Брэкнока

Южные диалекты (Southern)

- 1) Часть Пемброкшира и Гламорганшира
- 2) Уилтшир, Дорсетшир, сев. и вост. части графства Сомерсетшир, большая часть Глостершира, юго-зап. Девоншир
- 3) Большая часть графства Хемпшир, остров Уайт, большая часть Беркшира, южн. часть Саррея, зап. часть Сассекса
- 4) Сев. Глостершир, вост. Херфордшир, Вустершир, южн. часть графства Уоррикшир, север Оксфордшира, юго-запад Нортхемптоншира
- 5) Большая часть графства Оксфордшир
- 6) Север графства Саррей, северо-зап. Кента
- 7) Большая часть графства Кент, восток графства Сассекс
- 8) Зап. Сомерсетшир, сев-вост. Девоншир
- 9) Вост. Корнуолл, большая часть Девоншира
- 10) Зап. Корнуолл

Диалекты Шотландии и Ирландии в данной работе рассматриваться не будут, т. к. напрямую не связаны с предметом исследования.

Характерными чертами современных английских диалектов являются консерватизм, вариантность, «избыточность». Эволюция не затронула диалекты, поэтому в них сохранились языковые явления прошедших эпох и различные иноязычные заимствования (скандинавские, норманнские и т. д.). Диалекты характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях, а многие языковые конструкции отличаются «избыточностью»: плеонастичность во всех ее разновидностях. (Маковский 1980: 29).

Диалектология тесно связана с социологией, поскольку язык обслуживает самые разные социальные слои населения в соответствии с их нуждами. Язык, в особенности его речевой аспект, варьируется в зависимости от того социального контекста, в котором он используется.

А. Д. Швейцер подчеркивает связь теории перевода и социалингвистики: «будучи социально детерминированным явлением, перевод обладает рядом существенных признаков, входящих в сферу компетенции социалингвистики» (Швейцер 1988: 15).

Британскими социалингвистами общество было поделено на следующие социальные классы: высший слой общества, средний класс и рабочий класс. Стратификация имеет более разветвленную иерархию, но в данной работе мы не будем останавливаться на этом аспекте более подробно, а перейдем к тому социальному акценту, который исторически связывается с привилегированным сословием.

Речь идет о так называемом RP – “Received Pronunciation”, что на русский язык можно перевести как «нормативное произношение». Прилагательное «received» в данном случае следует понимать как «общепринятый, общепризнанный» в высших кругах светского общества XIX в. Это акцент, на котором изъяснялись ученики привилегированных частных учебных заведений. Сегодня RP никак не закреплен территориально, за исключением исторически сложившейся данности: изначально он складывался на юге, в Лондоне и близлежащей местности. Это «престижный» акцент, по которому невозможно определить, откуда говорящий родом. Примечательно, что на сегодняшний день лишь 3–5% населения Великобритании говорит на RP (2002) (Hughes, Trudgill 2012: 3).

В английском языке не принято смешивать понятия «акцент» и «диалект». Выше мы говорили о вариантах произношения, что же касается грамматики и лексики – то литературной нормой считается стандартный вариант английского языка (Standard English). Это диалект, на котором говорят образованные люди на территории Соединенного Королевства и за его пределами. Он широко распространен в сфере образования, в школах и высших учебных заведениях, на радио и телевидении. Именно этому варианту английского языка обучают иностранцев, изучающих английский язык.

В отличие от RP, стандартный английский никак не связан с определенной социальной группой. Кроме того, его норма может варьироваться в зависимости от региона и

подразделяется на стандартный британский вариант английского (Standard British English), стандартный английский (Standard English English – на территории Англии и Уэльса) стандартный шотландский вариант английского (Standard Scottish English) и стандартный ирландский вариант английского (Standard Irish English) (Hughes, Trudgill 2012: 13).

1.4. Реализация лексических единиц территориальных диалектов в художественной литературе

В. Н. Комиссаров указывает на то, что использование в оригинале форм территориальных **диалектов** может иметь двоякий характер. Диалект может представлять собой вид языка, используемого в процессе общения, т. е. выступать в качестве исходного языка. В этом случае диалектальный статус исходного языка не имеет отношения к содержанию оригинала, и от переводчика требуется только знание этого диалекта и особенностей его употребления. Диалектальные формы могут также употребляться с целью языковой характеристики отдельных персонажей, и тогда переводчик должен передать дополнительную информацию о территориальной принадлежности говорящего (Комиссаров 2011: 80).

Г. Л. Брук отмечает, что диалекты в литературе могут использоваться для достижения нескольких целей: в качестве элемента местного колорита, как способ индивидуальной характеристики персонажей и иногда для достижения комического эффекта (Brook 1965: 189).

И. Левый придерживается мнения, что диалекты выполняют в произведении две семантические функции: указывают на местное происхождение говорящего и характеризуют говорящего социально, чаще всего как крестьянина.

Ученые сходятся во мнении, что диалектизмы языка оригинала невозможно переводить диалектизмами того языка, на который осуществляется перевод.

По словам В. Н. Комиссарова, трудность заключается в том, что для передачи диалектных особенностей речи в оригинале «невозможно использовать соответствующие диалектальные формы языка перевода, даже если таковые имеются,

поскольку они идентифицируют совершенно иную группу людей» (Комиссаров 2011: 80). Ученый считает, что решение этой проблемы в значительной степени облегчается существованием социальных диалектов. Различия в речи людей могут быть обусловлены их принадлежностью к разным слоям общества: «Наиболее распространенными являются различия между речью людей, получивших стандартное школьное образование и овладевших общенародными языковыми нормами, и речью малообразованных людей, отклоняющейся в той или иной степени от литературной нормы» (Комиссаров 2011: 81).

В. Н. Комиссаров указывает, что переводчику необходимо «учитывать тот факт, что между социальными и территориальными диалектами часто существует тесная связь: территориальные различия обычно сохраняются в речи малообразованных людей и сглаживаются в процессе получения образования. Отдельный диалект может быть ограничен и географически, и общественным положением, т. е. быть одновременно и территориальным, и социальным. Таков, например, лондонский «кокни», характерный для речи «низов» английской столицы. Благодаря наличию такой связи, дополнительная информация, репрезентируемая территориально-диалектными формами, может быть передана в переводе средствами малообразованной речи. При этом учитывается, что, как правило, социальный диалект отличается от общенародного языка лишь отдельными языковыми особенностями, своего рода «указателями» (markers). Присутствие в тексте хотя бы небольшого числа таких указателей обеспечивает воспроизведение данного вида информации» (Комиссаров 2011: 81).

А. В. Федоров в книге «Основы общей теории перевода» высказался на этот счет следующим образом: «В отношении такого элемента словаря, как диалектизм, переводческая задача всегда оказывается особенно сложной. Можно прямо сказать, что воспроизведение территориальных диалектизмов ИЯ, как таковых, неосуществимо с помощью территориальных же диалектов ПЯ. Дело в том, что использование элементов того или иного территориального диалекта ПЯ неизбежно вступает в противоречие с реальным содержанием подлинника, с местом действия, с его обстановкой, с принадлежностью действующих лиц, да и автора, к определенной национальности» (Федоров 1983: 248).

И. Левый утверждает, что «характеризовать средствами русского языка персонаж из “Любовника Леди Чаттерлей” Д. Лоуренса как жителя Дербишира или досконально

передать сложнейшую этнографическую структуру “Гекльберри Финна” Твена невозможно. Единственное, что может сделать переводчик – это отделить речь провинциала от речи более образованных персонажей, говорящих на общенациональном языке» (Левый 1974: 139). И. Левый добавляет, что конкретные диалекты или иностранный национальный язык слишком тесно связаны с определенным краем, поэтому не могут служить адекватной заменой. По его мнению, диалектные особенности речи можно передать с помощью «намек»:

«Если переводчик хочет избежать языкового натурализма, лучшим способом для этого будет прием намека. Чтобы дать понять читателю, что перед ним провинциал, удобнее всего использовать выражения достаточно нейтральные, не характерные для какого-нибудь определенного диалекта, но отличающиеся фонетическими, лексическими или синтаксическими особенностями, общими для нескольких диалектов, и потому ощущаемые не как принадлежность какой-то определенной местности, а скорее, как провинциализм вообще» (Левый 1974: 140).

В переводческой практике все же существуют примеры, когда диалект ИЯ переводился диалектом. Один из лучших примеров этому – перевод романа Г. Флобера «Мадам Бовари», выполненный виртуозным советским переводчиком Н. М. Любимовым. В книге «Высокое искусство» Н. М. Любимов задается вопросом – что делать переводчику, если «переводимый автор прибегает к провинциализмам»⁴? И сам же отвечает, что нужно пойти по стопам автора, при этом необходимо руководствоваться «чувством меры и сообразности»⁵. Далее он продолжает: «Как ни странно это может показаться на первый взгляд, я пользуюсь областными словами и в переводе «Госпожи Бовари» Флобера. И вот что дает мне на это право. Ведь по существу, это «областной» роман. Недаром Флобер дает к нему подзаголовок: «Провинциальные нравы». Действие его происходит почти исключительно в заштатных городках или на хуторе, и только несколько эпизодов связано с большим городом – Руаном. Общий “областной” колорит романа оказывает влияние на лексику. Провинциализмы просачиваются не только в диалог, но и в авторскую речь. <...> Понятно, я не имел намерения ставить провинциализмы непременно на те места, где они стоят у Флобера». Здесь речь идет о приеме компенсации, о которой применительно к данному конкретному высказыванию Н. М. Любимова писал Л. С. Бархударов (Бархударов 2010: 219).

⁴ Н. М. Любимов. 1977. Перевод-искусство. М.: Советская Россия. С. 87.

⁵ Там же.

Среди теоретиков перевода распространена точка зрения, что диалектизмы следует переводить просторечиями: «Диалектные особенности речи персонажей литературного произведения говорят не только о его территориальной принадлежности, но и о социальном статусе и уровне культуры. Именно на это и следует обращать внимание при переводе подобной лексики, по мнению А. В. Федорова. Он приходит к выводу, что «основным функциональным соответствием всякого рода диалектизмам (как территориальным, так и социальным) в русских переводах способно служить просторечие в широком смысле слова» (Федоров 1983: 253). Эту точку зрения разделяет и А. Д. Швейцер: «Если локальный компонент диалектной речи непереволим, то это в известной мере компенсируется передачей ее социального компонента. Обычно это достигается с помощью просторечия и сниженной разговорной речи» (А. Д. Швейцер, 1988: 104).

Но наряду с переносом лексико-семантических значений не менее важен и грамматический аспект языка. Под влиянием различных факторов переводчик вынужден прибегать к разного рода грамматическим трансформациям: к полной или частичной реконструкции предложения, к замене частей речи и членов предложения в переводе (Рецкер 1974: 77).

Лексический и грамматический строй образуют систему языка, а когда дело касается перевода, они оказываются особым образом связаны: «значения, являющиеся лексическими в одном языке (то есть выражаемые в нем через словарные единицы), в другом языке могут быть грамматическими (то есть выражаться “несловарными средствами”) и наоборот». (Бархударов 2010: 143). Грамматическая форма и синтаксическая конструкция не мыслятся в процессе перевода как нечто самостоятельное, в отрыве от их лексического наполнения (Рецкер 1974: 77).

Сразу встает вопрос о том, в какой мере необходимо передавать грамматическое значение, и надо ли это делать. По Бархударову, грамматические формы и категории, как и лексические единицы, могут выражать референциальное, прагматическое и внутрilingвистическое значение. Семантическое содержание знака складывается из трех компонентов: референциального, прагматического и внутрilingвистического значений (Бархударов 2010: 65).

По Л. С. Бархударову, внутрилингвистические отношения грамматических форм диктуются только внутриязыковыми отношениями, не отражают явлений, лежащих вне языка и обусловленных факторами самой объективной действительности и, следовательно, «иррелевантны» для перевода (Бархударов 2010: 156). При переводе, как правило, передаются только значения свободно употребляемых грамматических форм, имеющих референциальное либо прагматическое значение. В случае, если грамматическая форма несет чисто внутрилингвистическое значение, она остается «непереведенной». В главе, посвященной анализу оригинальных литературных произведений и их переводов на современный русский язык, у нас будет возможность убедиться, что внутрилингвистические значения в диалектной речи персонажей художественных произведений могут отражать явления, лежащие вне языка и нести прагматическое значение, соответственно и они могут быть вполне релевантными для перевода.

В своем диссертационном исследовании М. А. Яковлева утверждает, что «высказывания, единицы которых принадлежат диалекту (как территориальному, так и социальному), могут быть отнесены к стилистически сниженным»⁶ на основании того, что «диалект находится в оппозиции к стандарту». Из формулировки следует, что сниженность может проследиваться на всех языковых уровнях. Под стилистически сниженными высказываниями понимаются «высказывания, единицы которых или синтаксическое построение единиц которых не соответствуют норме данного языка, иначе говоря, его стандарту, и относятся к языковому субстандарту»⁷.

Нам кажется, что с позиций стилистической сниженности можно рассматривать оппозицию «литературная норма – просторечие», но когда дело касается противопоставления литературной нормы и отдельного лексического пласта – диалектов, неправомерно относить диалектизмы к сфере стилистически сниженной лексики только на тех основаниях, что они противопоставляются языковому стандарту, и нередко используются людьми низкого социального статуса, не вполне владеющими языковой нормой. Такая точка зрения вытекает из социальной характеристики территориального диалекта как менее престижного, а потому «неправильного» и относящегося к низкому стилю.

⁶ М. А. Яковлева. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста. М. 2008. <http://www.thinkaloud.ru/science/yak-disser.pdf>

⁷ Там же.

Например, лексический диалектизм – *lake (laike)* сам по себе не является индикатором стилистической сниженности, несмотря на то, что относится к языковому субстандарту. Механизм взаимодействия стилистически сниженной лексики и диалектных единиц в высказываниях такого рода представляется нам несколько более сложным.

Высказывания, содержащие диалектизмы, принадлежат к области разговорной речи, а говорящие на диалектах люди (исходя из темы нашей работы) – персонажи художественной литературы XIX в. Социальный статус их примерно одинаков – это слуги, выходцы из рабочего класса, словом, люди малообразованные, (хотя назвать их совершенно безграмотными нельзя – Джозеф из «Грозового перевала» читает Священное писание, а в тексте романа «Север и юг» содержится упоминание о том, что рабочий Николас Хиггинс любил «покупать разные книги» – вероятно, не просто для того, чтобы поставить дома на полку). Сниженной в стилистическом отношении их речь делает именно то, что она насыщена просторечиями на лексическом уровне, часто имеющими яркую экспрессивную окраску. Разговорная речь персонажей-носителей диалекта в художественной литературе значительно разбавлена не только такими стилистически сниженными единицами, как просторечие, в ней присутствует и лексика, принадлежащая к литературно-разговорному стилю, что совершенно логично. В таких высказываниях могут встречаться как слова, принадлежащие низкому стилю, так и слова нейтрального и даже высокого стиля (экспрессивные стили мы понимаем в соответствии с учением Ломоносова о трех стилях). Следует учитывать, что не только диалектные единицы, но и стилистически сниженные просторечия, которые использует автор для характеристики своего персонажа, противопоставляются литературной норме.

Необходимо обратить внимание на следующие характерные черты высказываний, содержащих диалектизмы и диалектную лексику в частности. Подобно тому, как устно-разговорная речь отличается от письменно зафиксированной ее формы, так же отличается устная форма диалектной речи от той, что зафиксирована письменно в художественном произведении.

Как отмечает И. В. Арнольд, «нельзя, впрочем, считать, что разговорная речь в том виде, как она представлена в художественной литературе, тождественна устной разговорной речи, поскольку наличие специфических задач идейно-художественного

порядка (необходимая сжатость, сценичность – в драматургии, показ характеров, социально-эстетические принципы литературного направления и многое другое) влияет на обработку устно-разговорного материала. Точное, как на магнитофонной ленте, воспроизведение разговора может попасть в литературное произведение только в порядке исключения. Информация должна подвергнуться компрессии: писатель отбирает только типическое и существенное, освобождая свой материал от всего случайного» (Арнольд 2004: 324).

То же самое можно сказать в отношении диалектной речи, представленной в художественном произведении: автор выбирает только характерные черты того или иного диалекта. Кроме причин идейно-эстетического порядка, есть и другие, о которых пишет Г. Л. Брук – направленность на целевую аудиторию. Автор, пишущий на диалекте, не может рассчитывать на то, что большинство читающих произведение людей поймут его без того, чтобы не заглянуть в словарь бесчисленное количество раз. Это может свести на нет весь художественный эффект от прочитанного. Как пишет Г. Л. Брук, английское произношение никак нельзя назвать фонетическим (по принципу «как читается, так и произносится»), поэтому при передаче диалектных особенностей речи на письме возникает множество трудностей и автору приходится находить компромисс. Читателю тяжело улавливать связь между записанными символами и устным произношением слов, о которых они раньше не слышали. Если бы авторы на письме передавали диалектную речь с еще большей точностью, это привело бы к большим трудностям у читателя; поэтому диалектная речь передается только наполовину фонетически, что, в свою очередь, ведет к большой вариативности передачи произношения (Брук 1965: 189–190).

Осмыслив все вышесказанное, можно сделать вывод, что в рамках художественного произведения мы имеем дело с особой формой **литературно-диалектных высказываний**. Литературно-диалектные высказывания – это высказывания, которые встречаются в речи персонажей художественной литературы, говорящих на диалекте. От устной диалектной речи их отличает: а) они зафиксированы письменно в литературном произведении; б) их коммуникативная функция – поэтическая и экспрессивная; в) они содержат в себе лексические единицы различных лексических пластов, как литературных, так и субъязыковых; г) за целенаправленным отбором языковых средств стоит автор литературного произведения, который руководствуется факторами идейно-эстетического порядка и направленностью на целевую аудиторию.

1.5. Прагматический аспект перевода

Переводчик должен понимать, с какой целью автор применяет диалектизмы – для того, чтобы показать низкий социальный статус говорящего, его принадлежность к тому или иному социальному классу, даже личные качества и особенности характера. Для достижения переводческой **адекватности** переводчик на всех уровнях языка подбирает соответствующие **эквиваленты**.

В современном переводоведении термины «эквивалентность» и «адекватность» могут иметь различное содержание.

По определению А. Д. Швейцера, «адекватность – это такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода» (Швейцер 1988: 92). В качестве примеров приводится лингвистический и учебный переводы.

А. В. Федоров под полноценностью («адекватностью») перевода понимал «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» (Федоров 1983: 27). Особенно подчеркивалось значение функциональных соответствий, связи всех элементов текста и подчинение их системе целого.

Л. С. Бархударов, не делал различий между понятиями «адекватность и эквивалентность», В. Н. Комиссаров различал их. Подробнее рассмотрим точку зрения последнего.

Одно из центральных понятий теории перевода – «эквивалентность перевода» обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества. Степень близости оригинала и перевода может быть различной, и эквивалентность может быть установлена на разных уровнях языка. В связи с этим различают «теоретически возможную эквивалентность, определяемую соотношением структур и правил функционирования данных языков и оптимальную – близость, достигаемую в конкретном акте перевода» (Комиссаров 2011: 116). Термин «адекватность» перевода по В. Н. Комиссарову, носит оценочный характер и включает в себя определенную степень эквивалентности. Адекватный перевод должен

соответствовать целям и задачам коммуникативного акта. В настоящей работе мы разделяем точку зрения В. Н. Комиссарова.

Если Л. С. Бархударов определяет перевод как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» (Бархударов 2010: 11), то В. Н. Комиссаров ставит под сомнение возможность сохранения «неизменного содержания» при переводе. Он отмечает, что в любом высказывании, помимо его содержания, существует еще конкретная речевая функция, составляющая цель коммуникации (Комиссаров 2011: 123). Такая коммуникативная теория эквивалентности опирается на концепцию Р. О. Якобсона, разработавшего классификацию речевых функций вербальной коммуникации. Согласно этой концепции, в любой коммуникации можно выделить шесть компонентов: отправитель сообщения, «контекст» или референт, получатель, канал связи (физическая или психологическая связь между участниками коммуникации), языковой код и само сообщение (его форма). Коммуникативный акт может иметь установку на любой из перечисленных компонентов. В соответствии с тем, на какой из компонентов направлено сообщение, можно выделить следующие функции: **референтную** – установка на референта или «контекст»; **конативную** (волеизъявительную) – установка на получателя; **эмотивную, или экспрессивную** – установка на отправителя, особенно часто выявляющаяся при употреблении междометий, эмоциональных восклицаний и т. д.; **контактоустанавливающую (директивную)** – установка на контакт между коммуникантами; **металингвистическую** – установка на код, направлена на выяснение значений языковых знаков; **поэтическую** – установка на сообщение, определяет выбор формы сообщения.

Одна из этих функций может преобладать, или наоборот, играть второстепенную роль. Отмечается, что крупные речевые произведения включают более короткие отрезки речи, в которых в качестве доминантной могут выступать различные функции. Слова так же могут выражать различные функции в зависимости от ситуации. В основе эквивалентности лежит сохранение цели коммуникации, которая рассматривается «как часть содержания высказывания, выражающая основную или доминантную функцию этого высказывания» (Комиссаров 2011: 124).

В настоящей работе при анализе фрагментов литературных произведений мы будем опираться на эту коммуникативную теорию перевода. Одним из важнейших критериев при оценке адекватности перевода и эквивалентности его отдельных элементов может служить передача доминантной речевой функции, как на уровне отдельно взятого высказывания, так и на уровне целого текста.

Коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата составляют **прагматический** уровень эквивалентности. Как отмечает А. Д. Швейцер, «требование коммуникативно-прагматической эквивалентности является главнейшим из требований, предъявляемых к переводу, ибо оно предусматривает передачу коммуникативного эффекта исходного текста и поэтому предполагает выделение того его аспекта, который является ведущим в условиях данного коммуникативного акта (Швейцер 1988: 145).

Л. С. Бархударов относит к прагматическому аспекту перевода и стилистику. Он предлагает следующую схему классификации типов прагматических значений, применимую как к русскому, так и к английскому языку, на материале лексических единиц:

- 1) **Стилистическая характеристика слова** – закрепленность слов за определенными речевыми жанрами становится компонентом их прагматического значения.

Л. С. Бархударов при этом выделяет два типа речи: обиходно-разговорную и книжно-письменную. Стилистическая характеристика слов может быть нейтральная, обиходно-разговорная, книжная, поэтическая, терминологическая.

- 2) **Регистр слова**, под которым понимается определенная ситуация общения, в которой человек использует те или иные слова. На его выбор влияют участники процесса коммуникации. Выделяется пять регистров: фамильярный, непринужденный, нейтральный, формальный, возвышенный. Несколько слов с одинаковым референциальным значением могут относиться к разным регистрам.
- 3) **Эмоциональная окраска слова** – эмоциональное отношение говорящего к какому-либо предмету или понятию, называемому словом, становится частью

семантической структуры слова. Подразделяется на три группы: отрицательно-эмоциональное, нейтрально-эмоциональное, положительно-эмоциональное.

«Коммуникативную нагрузку» элементов предложения и его «коммуникативное членение» Л. С. Бархударов также относит к числу прагматических значений. Такой тип прагматического значения «синтаксичен» и характеризует не отдельные знаки языка, а целые высказывания, определяя характер отношений между ними.

Прагматические значения выражаются в тех или иных лексических единицах, характеризуют не только эти единицы, а весь текст (речевое произведение), в котором они употребляются. При переводе необходимо сохранить «общую стилистическую, регистровую и эмоциональную характеристику всего данного текста в целом» (Бархударов 2010: 120).

А. В. Федоров обращает внимание на то, что речи говорящего или пишущего свойственна индивидуальная окраска, которая напрямую зависит от выбранного стиля (разговорный, официально-деловой). Отклонение от языковой нормы может быть признаком стилистического приема. Именно за счет противопоставления этих двух понятий, литературной нормы и отклонения от нее, в составе оригинальных литературных произведений ощутим всякий переход (стилистический контраст) от общелитературного языка авторского повествования и речи персонажей к формам канцелярского стиля или к элементам просторечия или диалекта. «Передача подобного контраста, предполагаемого обрисовкой стиля документа или речевой характеристикой действующего лица, была бы в переводе невозможна вне той литературности языка, которая служит общим фоном. Соответствие языка норме является предпосылкой общего понятия полноценности перевода, как в том случае, когда оригинал не заключает в себе нарушений нормы и отступлений от нее, так и в том случае, когда они в нем есть и передача их возможна» (Федоров 1983: 132).

С традиционных позиций российского языкознания существует деление речи на функциональные стили – книжный и разговорный (некоторые ученые выделяют просторечие в отдельную группу). Однако британские коллеги склонны выделять два других функциональных стиля речи: формальный и неформальный (formal and informal). В соответствии с этим ими отмечается, что на любом из диалектов можно говорить более формально или менее формально, в зависимости от ситуации. Как и другие диалекты, стандартный английский (Standard English) подразумевает

стилистическую вариативность, включая использование бранных слов и слэнга (Trudgill 2000: 4).

В стилистической системе языка можно выделить функциональный и экспрессивный стили (Беляева, Хомяков 1988: 11). В зависимости от основных функций языка выделяют разные функциональные стили, за которыми закреплен определенный набор языковых средств: разговорный, книжный, публицистический, научный и т. д. В рамках традиционного подхода экспрессивный стиль подразделяется на высокий, нейтральный и сниженный.

1.6. Особенности перевода исторических текстов

А. В. Федоров подразделяет исторические тексты на **архаические** произведения и произведения современных писателей, но рисующих далекое или близкое прошлое – **архаизованных**. При этом задача переводчика архаического произведения состоит в том, чтобы «ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания, т. е. для читателя своей эпохи, тоже был современным», – цель, которая «предполагает использование в основном современного языка в переводе, хотя бы и с отбором словарных и грамматических элементов, которые в известных случаях позволяли бы соблюсти нужную историческую перспективу», наметить «дистанцию времени, отделяющую нас от времени создания подлинника» (Федоров 1983: 284).

Хронологически понятие «современный русский язык» исследователи относят к разным временным рамкам». Традиционно считается, что «современным» русский язык стал во времена А. С. Пушкина. В. В. Виноградов предлагает нижней границей считать 90-е гг. XIX в. до 70-х гг. XX в. (подразумевается – до наших дней), Ф. П. Филин выделяет два этапа в развитии современного русского языка – от Пушкина до 1917 г. и период после революции до наших дней. Нам ближе точка зрения, изложенная в учебнике «Современный русский язык» под редакцией В. А. Белошапковой: «между языком наших дней и языком эпохи Пушкина легла история в 150 лет. Изменился словарный состав, у слов появились новые значения и были утрачены старые, <...> стали несколько иными произносительные и грамматические формы. Поэтому вполне оправдано и второе понимание слов “современный русский язык” – язык середины и второй половины XX в.» (Белошапкина, Брызгунова, Земская 1989: 13).

Невозможность переводить, например, с английского языка XVII в. на русский язык той же эпохи исторически обусловлена тем, что литературный русский язык складывался позднее. Он характеризуется переходом от старославянской письменности к языковой базе русского разговорного языка. Таким образом, русский язык XVII в. звучит гораздо архаичнее, чем английский или французский язык того же периода. Таким образом, для передачи языка оригинала на русский язык, как правило, используются языковые средства более позднего периода при полном отказе от модернизмов и современных элементов речи, которые вступают в противоречие со

временем. Использование словарных и синтаксических архаизмов также же широко применяются при переводе. Основной принцип – «воспроизведение не реального возраста языковых средств, используемых автором, а их стилистической окраски» (Федоров 1983: 287).

Приемы при переводе исторических текстов, могут быть мотивированными и немотивированными:

- 1) Использование архаизмов.
- 2) Модернизация – придание тексту или отдельным его частям современной окраски.
- 3) Нейтрализация исторического колорита, мотивированная тем, что оригинал был современен своей эпохе.
- 4) Сочетание перечисленных приемов.

Неотъемлимой частью исторических текстов являются **реалии** – слова, называющие элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждым другим народам и странам. Кроме того, существует такое понятие, как **фоновые сведения** – «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» (Виноградов 1978: 140).

2. Возможности перевода диалектной лексики

2.1. Анализ фрагментов романа «Грозовой перевал», выполненный Н. Вольпин и И. Гуровой

Джозеф, один из персонажей романа «Грозовой перевал» Э. Бронте, вызывает у многих читателей раздражение, и не только потому, что старый слуга без конца ворчит о спасении души и осуждении на вечные муки, но также из-за диалектных особенностей его речи (Fegan 2008: 43). Ш. Бронте, в сентябре 1850 г. готовившая новое издание романа сестры к печати, была обеспокоена тем, что речь такого яркого персонажа, как Джозеф, может показаться непонятной читательской аудитории:

“It seems to me advisable to modify the orthography of the old servant Joseph’s speeches – for though – as it stands – it exactly renders the Yorkshire accent to a Yorkshire ear – yet I am sure Southerners must find it unintelligible – and thus one of the most graphic characters in the book is lost on them” (Kreilkamp 2005: 141).

Речь Джозефа из «Грозового перевала» и других персонажей рассматриваемых нами произведений характеризуется тем, что автор, в данном случае – Э. Бронте, передает звучащую диалектную речь графически, по принципу, сходному с фонетическим транскрибированием.

Для того, чтобы проанализировать диалектную речь персонажей, необходимо располагать некоторыми фоновыми знаниями. Считается, что прототипом дома (фермы XVI в.) Эрншо, скорее всего, послужила заброшенная ферма *Top Withins (Top Withins)*, расположенная приблизительно в 5 километрах к юго-западу от Хэворта, недалеко от Брэдфорда. Именно в этой местности провели свое детство сестры Бронте. Предлагаются также и другие варианты, но мы остановимся на этой версии. Примечательно, что само прилагательное «wuthering» в топониме «Wuthering Height» – северный диалектизм, синоним слов «ревущий», «штормовой».

Хьюз, Траджилл и Уатт, сравнивая региональную произносительную норму с RP, различают два варианта Йоркширского произношения, центрами которых сегодня являются города Брэдфорд и Халл. Учитывая возможное географическое положение

поместья «Грозовой перевал», с определенной долей вероятности можно предположить, что акцент Джозефа может иметь черты брэдфордского, тогда как совершенно точно можно утверждать, что диалект, на котором он изъясняется – йоркширский.

Диалектной речи, как разновидности разговорной речи присущи:

На фонетическом уровне – глоттализация (glottal stop), глухой гортанный взрывной согласный звук, используемый во многих языках и получаемый смыканием голосовых связок, которые затем под напором воздуха резко размыкаются со взрывным звуком. Гортанная смычка характерна для большинства диалектов, отличных от Стандартного английского.

Рассмотрим фрагмент речи Джозефа:

“T’maister nobbut just buried, and Sabbath nut oe’red, und t’ sahnd uh’t gospel still i’ yer lugs, and yah darr be laiking! shame on ye! sit ye dahn, ill childer! they’s good books eneugh if ye’ll read’em; sit ye dahn, and think uh yer sowls!”⁸ (63)

Надо особо отметить, что текст оригинала изобилует отклонениями от литературной произносительной нормы на фонетическом уровне. Вот некоторые характерные черты Йоркширского произношения, относящегося к северной группе диалектов, с примерами из текста:

- слова типа *put* и *putt* имеют звук /ʊ/ в корне;
- дифтонг /ei/ чаще всего переходит в открытый монофтонг среднего подъема /ɛ:/ (plate, mate);
- *eneugh* – вместо enough, Джозеф произносит /ə/ вместо /ʌ/;
- для северных диалектов характерно такое явление, как монофтонгизация дифтонгов. В тексте: *sahnd, dahn* вместо *sound, down*; *oe’red* вместо *overed*.
- в западном Йоркшире (включая Брэдфорд) и других частях графства /b d g/ становятся /p t k/, если сразу за ними идет глухой согласный. Такой приглушенный /d/ может становиться гортанной смычкой, как это обычно происходит со звуком /t/. (*Bradford, could swing*);
- окончание *-ing* произносится как /ɪ n/;

⁸ Bronte E. 1987. *Wuthering Heights*. Harmondsworth : Penguin Books. С. 63. В дальнейшем ссылки на роман будут даваться с указанием страницы после цитаты.

- характерная черта – редукция определенного артикля (definite article reduction или DAR): *T'maister, t' sahnd, uh't gospel*;
- *yer* – нестандартное, диалектное произношение местоимения *you*.

На морфемном уровне:

- сокращенные формы глаголов. Говорящие на одном из северных диалектов обычно используют альтернативную сокращенную форму вспомогательного глагола: в тексте – *ye'll read'em*;
- *t' sahnd uh't gospel still i' yer lugs* – пропуск вспомогательного глагола *to be*;
- *they's good books* – использование неправильной, с точки зрения литературной нормы, формы вспомогательного глагола *to be*.

На лексическом уровне в отрывке встречаются следующие диалектизмы:

- *nobbut* – едва. Oxford dictionary of English (в дальнейшем – OED) отмечает, что слово имеет североанглийское происхождение, по данным Collins English Dictionary (CED) – это диалектизм, образуется от *no+but*;
- *lugs* – уши. OED относит это слово к шотландскому и североанглийскому варианту английского;
- *laiking* – начальная форма *to lake (to laike)*; играть, развлекаться – диалектизм, присущий диалектной речи северян (CED), в числе прочих встречается в Йоркширском диалекте.

На синтаксическом уровне наблюдается большое количество разговорных конструкций, восклицательных предложений. Некоторые из них, состоящие из императивов, повторяются дважды и несут в себе отрицательную эмоциональную экспрессию:

shame on ye! sit ye dahn ill childer! sit ye dahn, and think uh yer sowls!

В переводе этого отрывка Н. Вольпин и И. Гурова, в соответствии с распространенной теоретической установкой о непереводаемости диалектной лексики ИЯ диалектной лексикой ПЯ, никак не передают многочисленные фонетические особенности речи персонажа на русский язык, впрочем, как и морфологические:

«Хозяина едва похоронили, еще не прошел день субботний и слова евангелия еще звучат в ваших ушах, а вы тут *лоботрясничаете!* Стыдно вам! Садитесь, *скверные* дети! Мало тут разве хороших книг? Взяли бы да почитали! Садитесь и подумайте о ваших душах!»⁹

Laiking – единственный диалектизм, который получает в переводе лексический эквивалент – *лоботрясничать*. БАС и БСТ Кузнецова относят это слово к разговорному типу речи в значении «бездельничать, лентяйничать», МАС – к просторечию в значении «бездельничать». По Л. С. Бархударову, слово обиходно-разговорной окраски (просторечие), принадлежащее фамильярному/непринужденному регистру речи. Нам кажется, что это не совсем подходящий эквивалент. Дело в том, что особенность Йоркширской разговорной речи – стремление к максимальной экономии языковых средств. Русский глагол *лоботрясничать* – сложное слово, состоящее из двух основ, по своей морфологической структуре сильно отличается от английского диалектного *lake* (*laike*). Маловероятно, что Джозеф, использующий в речи большое количество контрактных грамматических форм, мог бы использовать его в своей речи. Представляется возможным заменить его на глагол *забавляться* или на более разговорный вариант *дурачиться*.

Нет сомнений, что речь Джозефа неслучайно насыщена диалектизмами и чрезвычайно далека как от произносительной нормы PR, так и от стандартного варианта английского языка в целом. Нам кажется, что в переводе необходимо передать особенности его речи, поскольку в силу вступает прагматический аспект, о котором говорилось в главе первой настоящей работы. За персонажем стоит его создатель – писательница Э. Бронте, именно от нее зависел выбор той или иной лексической единицы, грамматического значения или синтаксической конструкции. Выбор этот неслучаен. Джозеф – не только старый слуга в господском доме, в котором он прослужил, вероятно, всю свою жизнь (более шестидесяти лет). Он – символ этой суровой и скупой земли, где свирепствуют ветра. Как отмечает С. Дэвис, Джозеф – не просто персонаж второго плана, маячащий где-то за спинами романтических протагонистов, он – извилистый корень, уходящий вглубь местных традиций, наречий и верований (Fegan 2008: 43). Особый лексикон и сварливая манера изъясняться отражают в языке

⁹ Бронте Э. 2000. Грозовой перевал. М.: ЭКСМО-Пресс. С. 24. В дальнейшем ссылки на роман будут даваться с указанием страницы после цитаты.

окружающую его природу. Поэтому принципиально важно передать на русском языке эту поэтическую функцию диалектной речи Джозефа, насыщенную просторечиями, сниженной экспрессивной лексикой и разговорными синтаксическими конструкциями в той же мере, что и диалектизмами.

В случае с многочисленными отклонениями от нормы на морфологическом уровне можно утверждать, что грамматическая форма не несет только лишь внутрilingвистическое значение, а является прагматическим фактором. Следовательно, эти грамматические значения можно считать свободными, и, по Л. С. Бархударову, они должны быть отражены в переводе.

Примечательно, что переводчицами допущена ошибка – неверно передано референциальное значение слова *Sabbath*, которое они перевели как *день субботний*. Священным днем отдохновения суббота является у евреев, а у христиан это – воскресенье. Кроме того, на соседней странице содержится указание на то, что было именно воскресенье (“An awful Sunday!” с. 62). В переводе в этом словосочетании необходимо указать на инверсию, которая придает этому литературно-диалектному высказыванию элемент возвышенности. Подробнее на этом моменте мы остановимся ниже.

Проанализировав фрагмент, можно сделать вывод, что Н. Вольпин и И. Гурова передают диалектные особенности речи при помощи разговорных синтаксических конструкций. Представляется возможным включить в текст больше обиходно-разговорной лексики и экспрессивно окрашенных единиц языка:

подумайте о ваших душах можно заменить на *поразмыслите о своей душе* – приставки *по-* и *раз-* на морфологическом уровне отражают отклонение от нормы в оригинале и сообщают литературно-диалектному высказыванию нужную степень разговорности.

Нейтральное *садитесь* в переводе не передает той экспрессии, которая заложена в оригинале с помощью синтаксиса. *А ну сядьте* и *сядьте* кажутся нам более адекватными эквивалентами.

Рассмотрим другую цепь литературно-диалектных высказываний в тексте романа:

„**Yon** lad gets war und war!’ observed he on re-entering. ‘He’s left th’ gate at t’ full swing, and Miss’s pony has trodden dahn two rigs o’ corn, and *plottered* through, raight o’er into t’

meadow! Nahsomdiver, t' maister 'ull *play t' devil to-morn*, and he'll do weel. He's *patience itsseln* wi' sich careless, offald craters – *patience itsseln* he is! Bud he'll not be soa allus – yah's see, all on ye! Yah mun'n't *drive him out of his heead* for **nowt!**“ (124)

Русский перевод:

– **Парень** совсем *от рук отбился!* – сказал он. – Оставил ворота открытыми настежь, и лошадка мисс Кэти выбежала из конюшни на гумно и оттуда рысцой, *рысцой* прямо на луг! Как бог свят, хозяин **завтра** *озвереет как черт* – и не зря! Он – *само терпение* с этим беспутным и нерадивым малым, *само терпение!* Только не всегда он будет так терпелив, вот увидите! Все увидите! *Мыслимое ли дело* изводить такого человека – это вам **даром не пройдет!** (С. 86–87)

На морфологическом уровне:

- ar and war – worse and worse.
- He's left, maister'ull play, he'll, he's, mun'n't – сокращенные формы вспомогательных глаголов
- th'gate, t'full swing, t'meadow, t'maister, t'devil – редукция определенного артикля
- o' corn, wi' sich – редукция предлогов *of, with*
- Nahsomdiver – hahsiver – howsoever – наречие «как бы ни»
- Itsseln – itself
- yah's see – вариантная грамматическая форма, неверное, с точки зрения нормы, использование глагола *to be*
- Allus /'ɔ:ləz/ – наречие *always*, форма, встречающаяся также в других акцентах.
- Offald craters – неверная, с точки зрения нормы, форма существительного единственного числа

На лексико-фразеологическом уровне:

- Yon – устаревшее или диалектное слово для 'that' or 'those' (OED)
- to-morn – завтра, Merriam-Webster dictionary относит его преимущественно к диалектизмам.
- Nowt – местоимение и наречие *ничего*, северный диалектизм.

Стоит обратить внимание на то, что на уровне синтаксиса эмфатические, эллиптические конструкции, используемые в тексте отрывка, имеют характерные признаки «разговорности»:

Miss's pony has trodden dahn two rigs o' corn, and plotted through, raight o'er into t' meadow! – рысцой, рысцой прямо на луг.

He's patience ittseln wi' sich careless, offald craters—patience ittseln he is! – Он – само терпение с этим беспутным и нерадивым малым, само терпение!

Bud he'll not be soa allus – yah's see, all on ye! – Только не всегда он будет так терпелив, вот увидите! Все увидите!

Важно отметить, что в тексте оригинала употребляется всего 3 лексических диалектизма, причем диалектная окраска их не столь яркая, как в первом рассмотренном нами фрагменте. Словари относят их одновременно к разным пластам лексики (архаизмы/диалектизмы). Сниженный эффект достигается за счет большого количества разговорных выражений и сниженных коллоквиализмов (в русском языке используется термин просторечие).

Лексические эквиваленты, найденные переводчицами:

Парень – БАС – разговорное в значении «молодой человек, юноша». МАС дает два значения: нейтральное «молодой человек» и фамильярное – «нестарый мужчина вообще». БСТ Кузнецова дает оба эти значения как присущие разговорному стилю.

От рук отбился – Фразеологический словарь русского литературного языка Федорова – разговорный стиль, эмоциональная окраска – экспрессивная.

Лошадка – уменьшительно-ласкательное к *лошадь*, разговорное (БАС).

Как бог свят – разговорное, устаревшее, с оттенком экспрессии.

Озверет как черт – просторечие.

Беспутный – разговорное в значении «ведущий беспорядочный образ жизни» (БАС и БСТ Кузнецова), МАС не дает стилистической характеристики, вероятно, относя слово к нейтральному стилю.

Малый – просторечие в значении «подросток, юноша» (БАС). В значении «парень, юноша, подросток» – просторечие, «с определением для обозначения мужчины как носителя каких-то качеств» – разговорное (МАС и БСТ Кузнецова).

Мыслимое ли дело – просторечие, в значении «возможно ли это» (Фразеологический словарь современного русского литературного языка А. Н. Тихонова).

Даром не пройдет – фразеологизм, нейтральный (МАС).

При помощи разговорной лексики, просторечий и синтаксиса переводчице хорошо удастся передать диалектизмы и нестандартную лексику английского языка. Н. Вольпин и И. Гурова, видимо, исходят из того, что функция, общая для всех литературно-диалектных высказываний персонажа, – поэтическая, а значит, по Р. О. Якобсону, коммуникативный акт направлен на само сообщение (на его форму). Кроме того, они руководствуется тем, что диалектные особенности речи, по В. Н. Комиссарову, могут сообщать о низком социальном положении говорящего и общем уровне его грамотности, на основании чего предлагают в переводе большое количество лексических эквивалентов разговорного и просторечного стилей.

Всего в этом фрагменте было найдено 9 слов разговорного и просторечного стиля, тогда как в тексте оригинала 3 единицы, которые можно отнести к диалектной лексике, 5 – к разговорной и просторечной лексике.

Что касается передачи морфологических особенностей, следует обратить внимание на существительное «лошадка» в переводе. В тексте оригинала – *pony* (пони), слово нейтральной стилистической окраски. Однако в переводе используется прием компенсации – морфологические особенности речи передаются не там, где они действительно содержатся в тексте оригинала, а в другом месте текста. Суффикс *-к-* добавляет оттенок разговорности стилистически нейтральному «лошадь» или «пони». Таким образом, перед нами образец того, как грамматическое значение (морфологическая особенность диалектной речи) может быть передано при переводе.

Рассмотрим еще один отрывок, взятый из текста романа «Грозовой перевал»:

„**Nay, nay**, he's **noan** at Gimmerton,' said Joseph. 'T's niver wonder but he's at t' bothom of a bog-hoile. This visitation worn't for **nowt**, and *I wod hev' ye to look out*, Miss – yah muh be t'

next. Thank Hivin for all! All warks together for gooid to them as is chozzen, and piked out fro' th' rubbidge! Yah know whet t' Scripture ses“ (125).

«*Ни в каком он не в Гиммертоне, – вмешался Джозеф. – Чего тут гадать – он не иначе как лежит на дне какой-нибудь ямы в трясине. Грешник понес заслуженную кару, и хотел бы я, чтобы предостережение не прошло для вас напрасно, мисс, – может быть, и вы на очереди. Возблагодарим же небо за все! Все складывается ко благу для тех, кто отмечен и *взыскан* господом. Знаете, что сказано в Писании...*» (88)

На лексическом уровне можно выделить несколько слов, принадлежащих диалекту:

- *Nay, nay* – нет; архаизм/диалектизм (Oxford Dictionary of English, 3rd Edition © Oxford University Press 2010); архаизм, литературная или диалектная замена. частице «нет» (Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary) и
- *Nowt* – диалектизм (рассматривалось выше).
- *Noan* – вариант *not* .

На морфологическом уровне:

- *I's niver wonder* – *Чего тут гадать* – употребление личного местоимения *I* и вспомогательного глагола *to be* в третьем лице противоречит норме стандартного английского языка.

Отрицание *never* указывает на определенный промежуток времени, в течение которого совершалось/не совершалось какое-либо действие, поэтому в данном случае на русском языке эта фраза могла быть передана с помощью русского архаизма/диалектизма «сумлеваться/сумневаться» – словарь Даля относит его к восточным русским говорам. Тогда фраза звучала бы так: «ни разу не сумлеваюсь» или «не сумневаюсь». Диалектизмы типа *сумлеваться, куплять* имеют общенародный корень, одинаковые с литературными синонимами значения, но разные аффиксы. Представляется, что с помощью такого эквивалента можно было бы лучше отразить в переводе отклонения от литературного стандарта в речи Джозефа. В этом случае особенности диалектной речи передаются на морфологическом уровне. Это значит, что точка зрения, согласно которой особенности речи не могут быть переданы с помощью

русских диалектизмов, не вполне отвечает действительности, и переводческая стратегия Н. Любимова, о которой упоминалось в первой главе настоящей работы, получает здесь свое подтверждение.

- *worn't* – отклонение от стандартной грамматической формы единственного числа прошедшего времени *was not (wasn't)*;
- *is chozzen* – употребление единственного числа *is* с местоимением множественного числа *them (those)* вместо *are chosen*.

Как и в предыдущем примере, многочисленные разговорные обороты делают речь Джозефа далекой от языкового стандарта. В русском переводе соблюдается та же стратегия.

'Nay, nay, he's noan at Gimmerton – ни в каком он не в Гиммертоне – двойное отрицание, столь характерное для разговорной речи.

Некоторые расхождения между стилистически окрашенными единицами лексики в оригинале и в переводе:

I wod hev' ye to look out – хотел бы я, чтобы предостережение не прошло для вас напрасно.

Синтаксис значительно усложнен, предложение получается сложносочиненным и выстроенным по всем правилам грамматики, тогда как в оригинале употребляется разговорный оборот.

Возблагодарим – возблагодарить – устаревшее, в значении «выразить кому-либо благодарность» (БАС и МАС). БТС Кузнецова относит это слово к высокому стилю.

Взыскан – взыскать – в значении «привлечь к ответственности» – нейтральное (МАС), в значении уплатить (долг, штраф) – официальное (БТС Кузнецова). Здесь употреблено в значении «выбраны», контекст придает слову высокую стилевую окраску.

Эта интересная тактика Н. Вольпин и И. Гуровой объясняется тем, что при каждом удобном случае Джозеф обращается к Библии. Нет ни одной реплики, где он не упомянул бы Священное писание, его речь изобилует цитатами из него и различными аллюзиями. Таким образом, диалектизмы и просторечия в данном литературно-диалектном высказывании соседствуют с книжной лексикой высокого стиля (которую можно отнести к библеизмам) в переводе, что делает его речь крайне разнородной и

даже создает легкий комический эффект, что в целом не противоречит доминантной функции всех литературно-диалектных высказываний персонажа в оригинале.

Господом – отсутствует в оригинале. Здесь мы наблюдаем прием лексического добавления. Буквальный перевод фразы *chozzen, and piked out fro' th' rubbidge* – «отмечены и выбраны из мусора» – не является адекватным, её смысл, скорее всего, ускользнул бы от русскоязычного читателя. Но из контекста литературно-диалектного высказывания на языке оригинала становится ясно, кем именно отмечены люди, о которых говорит персонаж, поэтому переводчицы вносят добавление. Единственное, с чем можно было бы здесь не согласиться – написание «господом» с маленькой буквы. Даже в нормативном варианте, приводящемся сверху, *God* пишется с большой буквы, тогда как в Писании, о котором говорит персонаж, имя Господа – с заглавной буквы. В XIX в. к священной книге англичане испытывали пиетет, тогда как в Советском Союзе религия подвергалась остракизму, в том числе и слова «Бог», «Господи» стали писать с маленькой буквы, что и отразилось в переводе. Этот фрагмент служит хорошим примером того, как менялась языковая норма в разное время.

2.2. Анализ фрагментов романа «Север и юг» и его перевода, выполненного В. Григорьевой, И. Гуровой и Е. Первушиной

Обратимся к другому произведению викторианской эпохи, роману «Север и юг» английской писательницы Элизабет Гаскелл, одна из ключевых тем которого – сложные взаимоотношения между севером и югом Англии XIX в. Проблема эта существует и XXI в., хотя и не стоит так остро, как во время индустриальной революции. Юг в романе символизирует общественный строй, безвозвратно уходящий в прошлое, когда благосостояние государства в значительной степени зависело от сельского хозяйства, а вся власть была сосредоточена в руках помещиков-землевладельцев. Север – это будущее, власть переходит к представителям среднего класса – предпринимателям, которые, руководствуясь законом спроса и предложения, наживают огромные капиталы. Т. Карлайл писал, что для новых лидеров работники были не более чем безымянными «рабочими руками», за которых они не чувствовали себя в ответе¹⁰. В 1830–1840-е гг. такое положение дел привело к невиданному социальному кризису, ведь в то время никакого социального обеспечения работников еще не существовало, и если торговля шла плохо, их просто увольняли, что неизменно вело к нищете и голодной смерти¹¹.

Прототипом северного индустриального города Мильтона, в котором происходит действие романа, является Манчестер, в котором жила сама Э. Гаскелл. Ему противопоставляется аграрный юг, откуда родом героиня романа Маргарет Хейл, представительница высшего сословия. Ее речь соответствует произносительным нормам RP и не выходит за рамки стандартного варианта английского языка. На этом фоне сильно выделяется манера изъясняться Николаса Хиггинса и его дочери Бесси, простых фабричных рабочих Мильтона, представителей рабочего класса. Если рассматривать их речь на фонетическом уровне, так, как она представлена в романе, естественно предположить, что они говорят с определенным акцентом – Манчестерским, или манкунским, ведь именно этот город на севере Англии послужил прототипом Мильтона.

¹⁰ Gaskell E. 1994. North and South / Introduction to the North and South by Patsy Stoneman. 2002. London: Wordsworth Editions Limited. С. 6

¹¹ Там же.

Манчестер находится недалеко от Ливерпуля, и хотя города разделяет всего около 48 км, эти акценты существенно отличаются друг друга. Манчестерский английский был менее подвержен ирландскому влиянию, чем Ливерпульский, и Манчестерский акцент имеет больше общих черт с Ланкаширским и южным Йоркширским акцентом (Hughes, Trudgill, Watt 2012: 116). Манчестерский принадлежит к северной группе акцентов (диалектов).

Примечательно, что Э. Гаскелл почти не прибегает к фонетическому транскрибированию речевых актов персонажей, говорящих на региональном диалекте, как это делает Э. Бронте. Рассмотрим это на примере речи дочери Николаса Хиггинса, Бесси:

“Did not your father know about it?” asked Margaret.

Yes! **And** he was sorry. But our factory were a good one on the whole; **and** a steady likely set o’ people; **and** father was afeard of letting me go to a strange place, for though yo’ would **na** think it now, *many a one* then used to call me **gradely lass** enough. **And** I did **na** like to be *reckoned nesh* and soft, **and** Mary’s schooling were to be kept up, mother said, **and father he were always liking** to buy books, **and** go to lectures o’ one kind or another – all which took money – so I just worked on till I shall ne’ver get the whirr out o’ my eyes, or the fluff out o’ my throat i’ this world. That’s all.”¹²

В этом речевом отрезке почти не переданы графически фонетические особенности речи Бесси, за исключением редукции предлогов, личного местоимения *you* и единичного случая глоттализации:

- o’ people, yo’ would, o’ one, o’ my eyes, o’ my throat, i’ this world; ne’ver

На лексико-фразеологическом уровне:

- *gradely* – красивый, благопристойный. Диалектизм североанглийского происхождения (OED)
- *lass* – девушка; шотландский и североанглийский диалектизм. Приводится также пример употребления: «he married a lass from Yorkshire» (OED)
- *nesh* – слабый, болезненный, хрупкий, нежный; диалектизм (OED)

¹² Elizabeth Gaskell. 1994. North and South. Wordsworth Editions Limited. С. 96. В дальнейшем ссылки на роман будут даваться с указанием страницы после цитаты.

- *na* – шотландская форма *not*

На морфологическом уровне:

- *our factory were, schooling were to be kept up, father he were always liking* – неверная, с точки зрения языковой нормы, форма вспомогательного глагола.
- *yo' would na think, did na like* – по данным Oxford American Dictionary, это шотландская форма отрицательной частицы «не», стоящей за вспомогательным глаголом.
- *on till* вместо *until*

На синтаксическом уровне разговорные конструкции:

- *Yes! And he was sorry; father he were always liking; That's all.*
- *But our factory were a good one on the whole and a steady likely set o' people; and father was afeard of letting me go to a strange place* – союз *and* повторяется **8** раз.

В приведенной цепочке литературно-диалектных высказываний 5 раз встречаются лексические диалектизмы, 2 разговорных оборота и 1 слово разговорного стиля. Важный показатель диалектной речи здесь – большое количество отклонений от языковой нормы на морфологическом уровне, что может указывать на недостаточное владение языковой нормой и, соответственно, быть показателем низкого социального статуса говорящего. Союз *and* повторяется **8** раз в этом небольшом отрывке, что, опять же, говорит о бедном словарном запасе героини. Таким образом, на первый план здесь выходит социальный аспект, и лексические единицы таких литературно-диалектных высказываний могут быть переведены с помощью просторечий и стилистически сниженной лексики, а также всевозможных отклонений от литературной нормы на всех уровнях языка. Можно сказать, что одной из основных коммуникативных функций является референтная, поскольку речевой акт направлен, главным образом, на контекст.

Рассмотрим русский перевод, выполненный В. Григорьевой (2011), И. Гуровой (2013) и Е. Первушиной (2011):

«Твой отец знал об этом? – спросила Маргарет. – Да! И он очень сожалел. Но наша фабрика была самой лучшей, там работали хорошие люди, а отец боялся отпустить меня в незнакомое место. Многие тогда называли меня красивой, хотя теперь вам бы это в голову не пришло. Мне не нравилось, когда обо мне слишком пеклись, а мама все

твердила, что Мэри нужно учиться, а отец все покупал книги и ходил на разные лекции. Нужно было много денег, поэтому я просто работала, и теперь, в этой жизни, я никогда не избавлюсь от этого непрерывного шума в ушах и пуха в горле. Вот и все»¹³.

Разговорные обороты:

- *Вам бы это в голову не пришло* – yo' would na think it now;
- *Мне не нравилось, когда обо мне слишком пеклись* – And I did na like to be reckoned nesh and soft.

To be reckoned здесь носит разговорный оттенок. *Пеклись* – н. ф. печься – в значении «заботиться» МАС и БТС Кузнецова не делают никаких помет, соответственно – нейтральное. Полная замена в этом случае кажется нам неправомерной. Дело в том, что из сказанного Бесси в русском переводе непонятно, почему ей не нравилась эта забота. Читатель, скорее, сделает вывод о том, что она бесчувственна. Переводчица неверно уловила оттенок значения, референциальное значение передано не совсем верно. На самом деле Бесси не хотелось показаться слабой, «прослыть неженкой», что говорит об особом рода «пролетарской» гордости, присущей членам семейства Хиггинс. Поэтому, на наш взгляд, «неженка» более подходящий эквивалент диалектизму *nesh*, суффикс *-enk-* компенсирует отклонения от стандарта на морфологическом уровне, а словосочетание «прослыть неженкой» придает разговорный оттенок и экспрессивный элемент сниженности этому литературно-диалектному высказыванию.

- *i' this world* – в этой жизни. Переводчицей осуществлен почти буквальный перевод, хотя смысл этого речевого оборота – «ни за что в жизни»; разговорный вариант – «нипочем». Неверно передано референциальное значение. На наш взгляд, разговорное «нипочем» является более адекватной заменой, поскольку в тексте романа «Север и юг» территориальный диалект сближается с социальным, что дает возможность судить об общей функции всех литературно-диалектных высказываний в этом произведении.
- *get the whirr out o' my eyes* – шума в ушах – В оригинале говорится о шуме в глазах, переводчица находит уместным исправить речевую ошибку, допущенную Бесси, и заменяет на литературное «шум в ушах».

¹³ Гаскелл Э. 2013. Север и юг. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус. С. 113. В дальнейшем ссылки на русский перевод романа будут даваться с указанием страницы после цитаты.

Можно сделать вывод, что на примере этого фрагмента перевода не были найдены эквиваленты лексическим диалектизмам, тогда как нами было выяснено, что сделать это возможно. Никаких отклонений от нормы литературного языка ни на фонетическом, ни на грамматическом уровне в приведенном фрагменте перевода нет, и Бесси говорит литературным языком. Кроме того, неточно переданы референциальные значения нескольких слов, тогда как основная коммуникативная функция – референтная. Следовательно, такой перевод литературно-диалектных высказываний не может считаться адекватным.

Следует отметить, что в оригинале романа упоминается о сильном «даркширском акценте» отца Бесси, рабочего фабрики Николаса Хиггинса: “...and there he sat, enforcing some opinion on her father, with a strong Darkshire accent, it is true, but with a lowered voice...” (209). В переводе: «И вот он сидел, убеждая в чем-то ее отца ровным и тихим голосом с сильным даркширским акцентом» (247). Даркшир, в данном случае – фиктивный топоним. Подразумевается манчестерский, или, как его еще принято называть, манкунский акцент. Однако в данном случае переводчик лишь следует слову автора. Рассмотрим еще один фрагмент из романа «Север и юг» на примере диалектной речи Николаса Хиггинса:

“I know naught of your ways down South. I have heerd they’re *a pack of* spiritless, down-trodden men; *welly clemmed* to death; too much dazed wi’ *clemming* to know when they’re *put upon*. Now, it’s not so here. We know when we’re *put upon*; and we’en too much blood in us to stand it. We just take our hands fro’our looms, and say, “Yo’ may *clem* us, but yo’ll not *put upon* us, my masters!” And *be danged* to ‘em, they shan’t this time!” (125)

На фонетическом уровне:

- wi’ clemming, Yo’ may, fro’our looms, to ‘em

На морфологическом уровне:

- they’re, we’en, yo’ll, shan’t

На лексическо-фразеологическом уровне:

- *clemmed* – *to clem* – страдать от голода/голодать, диалектизм (CED) – Повторяется в тексте литературно-диалектного высказывания 3 раза
- *danged* – вариант *damned*

Стоит обратить внимание на структуру этих литературно-диалектных высказываний. В тексте оригинала встречаются такие слова и выражения, которые мгновенно приносят просторечный характер, который в данном случае позволит охарактеризовать речь Николаса Хиггинса как стилистически сниженную:

Now – это наречие употребляется в разговорной речи и принадлежит к разговорному стилю. Человек, который употребляет его в начале предложения, желает привлечь внимание к своим словам, или к тому, что собирается сменить тему разговора.

Welly – сленг в значении «сила», «энергия» (CED).

Put upon (обманывать, эксплуатировать) – устойчивое выражение, словарь CollinsCobuild относит его к разговорной лексике. Повторяется в тексте 3 раза. Это показательно, ведь кроме того, что оно сигнализирует о небогатом словарном запасе говорящего, оно также говорит о том, что это своего рода риторический прием, готовый лозунг, и Николас Хиггинс может говорить емко и убедительно.

Грубый коллоквиализм, проклятье *be danged to 'em*, сразу же придает тексту негативную экспрессивность и оттенок сниженности, сигнализирует о крайней степени раздражения и возбуждения говорящего.

В данной цепи литературно-диалектных высказываний лексические диалектизмы встречаются 3 раза, слова и обороты разговорного стиля – 5 раз, просторечие негативной экспрессивной окраски – 1 раз.

Рассмотрим русский перевод этого фрагмента:

«Я ничего не знаю о жизни на юге. Я слышал, ваши работники просто кучка слабаков. Они страдают от голода. Но они слишком носятся со своим страданием и не хотят понимать, что их надувают. Здесь же совсем не так. Мы знаем, когда нас надувают, и мы не хотим этого терпеть. Мы просто останавливаем свои ткацкие станки и говорим: «Вы можете уморить нас голодом, но вы не обманете нас, хозяева!» И будь они прокляты, в этот раз у них ничего не выйдет!» (147)

Кучка – куча – разговорное в значении «большое количество, множество» (БАС). Кучка – куча + суффикс *-к-*, пренебрежительный оттенок. Соответствует английскому *a pack of men*, ср., например, употребление количественного существительного *pack* – *pack of thieves* – шайка воров; *moneyed pack* – кучка богачей.

Слабак – существительное с негативным экспрессивным оттенком, по Е. А. Земской, суффикс *-ак-* – показатель грубовато-фамильярной разговорной речи (Земская 1981: 49).

Носятя – носиться в значении «чрезмерно увлекаться кем-либо или чем-либо, уделять слишком много внимания кому-либо или чему либо» (БАС), в тексте – разговорное.

Надувают – надувать – просторечное в значении «вводить в заблуждение, обманывать» (БАС и МАС).

Уморить голодом – во Фразеологическом словаре современного русского литературного языка пометы отсутствуют; устаревшее, просторечное «уморить с голоду». Разговорное в значении «довести до смерти, погубить» (МАС).

Будь они прокляты – обороты, содержащие проклятие, относятся к просторечной экспрессивной лексике. «Будь проклят» – просторечное, экспрессивное, бранное выражение при крайнем возмущении, негодовании (Фразеологический словарь русского литературного языка). В тексте переводчик прибегает к калькированию с английского – *И будь они прокляты, в этот раз у них ничего не выйдет!* В русском языке после оборота «и будь они прокляты/будь я проклят» следует союз *если* и придаточное предложение. Такой перевод не может быть эквивалентным.

Ничего не выйдет – не вышло/не выйдет, употребляется только в 3-м лице, разговорное в значении «случиться, произойти» (БАС).

Выражение *we 'en too much blood in us* вообще оказывается изъятым из перевода, что, на наш взгляд, ошибочно и ничем не оправдано. Перевод «беднеет» и теряет свою образность.

Несмотря на то, что в тексте перевода содержится 4 слова разговорного стиля и 2 просторечия, речь Николаса Хиггинса, такая живая и емкая в оригинале, заметно тускнеет в переводе, потому что «механическое копирование стилистических средств подлинника не ведет к достижению требуемого коммуникативного эффекта» (Швейцер 1988: 147). Хиггинс в переводе говорит скучным механическим языком перевода, а не своим собственным, диалектная речь «не слышна». Его речь вполне отвечает литературному стандарту английского языка и лишь слегка разбавлена просторечиями,

которые не сообщают русскоязычному тексту такую яркую экспрессивную окраску, как в оригинале. На наш взгляд, можно назвать несколько причин этому:

а) фонетические и морфологические особенности никак не переданы;

б) доминантная экспрессивная функция литературно-диалектного высказывания не передана: яркая экспрессия и «лозунговость», которую придают оригиналу многочисленные повторения, в тексте оригинала переданы буквально, от этого в русском языке эффект теряется.

в) изъятие устойчивого выражения *we 'en too much blood in us*;

г) неэквивалентные синтаксические конструкции – разбивка на короткие утвердительные предложения.

Считаем возможным предложить свой вариант перевода:

Не знаю я ваших южных обычаев (*на уровне синтаксиса – инверсия*). **Слышал** (*разговорное, от глагола слышал*), что ваши работники – кучка **унылых** людей, заморенных голодом; **до того отупевшие** (*грубо-просторечное*) с **голодухи** (*просторечие, суффикс -ух- – словообразовательная единица, образующая стилистически сниженные синонимы имен существительных, эквивалент диалектизму clemming*), что не понимают, как их **дурачат** (*разговорное, отрицательно-эмоциональное*). Такие **фокусы** (*компенсация, чтобы передать экспрессивно-просторечный стиль ряду литературно-диалектных высказываний*) здесь не пройдут. Мы знаем, когда **нас водят за нос** (*разговорное, отрицательно-эмоциональное*), и **наша кровь слишком горяча**, чтобы молча (*замена*) терпеть. Мы просто снимаем руки с наших станков и говорим: «Можете морить нас голодом, но вам не **одурачить** нас, хозяйева!» **И будь я проклят** (*антонимический перевод*), **если** у них получится на этот раз!

На фонетическом уровне передать диалектное произношение удалось при помощи глагольной формы *слышал*; диалектизму *clemming* был найден эквивалент с *голодухи*. Лексическое значение было передано грамматическим путем, на морфологическом уровне при помощи суффикса *-ух-*.

2.3. Анализ фрагментов романа «Тэсс из рода Д'Арбервиллей», выполненный А. В. Кривцовой

На закате Викторианской эпохи вопросы, касающиеся пола, сексуальности, роли женщин и «двойных стандартов» оказались в центре внимания общественности, горячо обсуждалась возможность гражданского развода, пресса уделяла повышенное внимание бракоразводным процессам. Сегодня мы называем это зарождающееся движение «первой волной феминизма»¹⁴. Именно в этот период времени со значительными купюрами, обусловленными цензурой, вышел в свет роман английского писателя Т. Гарди «Тэсс из рода Д'Арбервиллей» (1891). Заглавная героиня – Тэсс – молодая деревенская девушка, живущая в крайне стесненных обстоятельствах с пьяницей-отцом и бестолковой матерью в деревне с фиктивным названием *Marlott*, прототипом которой была деревня *Marnhull* в графстве Дорсет на юге Англии. Местом действия в романе Т. Гарди, как и в большинстве своих романов, выбрал юго-западную Англию. Этот регион у Гарди носит старинное название «Уэссекс» и является воплощением социальной утопии, в которой идеализируется практически исчезнувшая к тому времени патриархальная сельская Англия (Гарди 1972: 381).

От многих других деревенских девушек Тэсс отличает то, что семья ее происходит из древнего, но совершенно обедневшего аристократического рода, кроме того, в тексте романа подчеркивается, что она получила начальное образование. Именно это отличает ее речь от речи ее матери и отца, которого в деревне иронично называют «сэр Джон». Т. Гарди, он же, в данном случае, повествователь (о том, что Харди принимал близко к сердцу судьбу своей героини, неоднократно отмечалось исследователями и им самим) упоминает о диалектных особенностях ее речи, и даже детально описывает артикуляцию в момент произношения ею определенного звука:

“The dialect was on her tongue to some extent, despite the village school: the characteristic intonation of that dialect for this district being the voicing approximately rendered by the syllable UR, probably as rich an utterance as any to be found in human speech. The pouted-up deep red mouth to which this syllable was native had hardly as yet settled into its definitive

¹⁴ Thomas Hardy. 2005. *Tess of the d'Urbervilles/Introduction* by Penny Boumelha. New York: Oxford University Press. C. xiv

shape, and her lower lip had a way of thrusting the middle of her top one upward, when they closed together after a word¹⁵.

«Хоть она и училась в сельской школе, но не совсем отделалась от местного произношения – а для диалекта этой области характерным являлось злоупотребление звуком «э», правда, не уступающим по выразительности ни одному другому в человеческой речи. Пухлые алые губы, с которых столь часто срывался этот звук, еще не были твердо очерчены, и когда девушка, умолкая, сжимала их, нижняя губа чуть-чуть приподымала верхнюю»¹⁶.

В тексте оригинала говорится о «syllable UR» – группа слов типа *purpose, turtle, during, further*, в которых звук э (schwa) – гласный среднего ряда среднего подъёма, по звучанию похожий на нечто среднее между «а», «э» и «о» находится под влиянием согласного звука *r*. Можно было бы предположить, что в данном случае Тэсс произносит звук о, округляя губы, как для поцелуя, а не «э», которое не привносит никаких коннотаций в текст. А. Кривцова переводит этот звук как «э», что, на наш взгляд, не вполне передает того подспудного чувственного содержания, которым, как отмечают исследователи (Boumelha 2005: 20), проникнута речь повествователя.

Этот отрывок интересен тем, что переводчику не приходится прибегать к описательному переводу, повествователь сам указывает на диалектные особенности речи героини, описывая одну из диалектных особенностей данного региона. Переводчику остается лишь донести до читателя смысл высказывания.

Рассмотрим еще один такой пример описания речевых особенностей Тэсс и ее матери, которое нам кажется важным, потому что от него может зависеть переводческая стратегия передачи диалектной речи заглавной героини романа.

«Ну, я рада, что ты пришла, – сказала мать, допев последнюю ноту. – Я сейчас схожу за твоим отцом, только прежде мне хочется рассказать тебе, что случилось. Ты, милочка моя, глаза вытаращишь, когда узнаешь!» (19)

¹⁵ Thomas Hardy. *Tess of the D'Urbervilles*. Oxford University Press. 2005. С. 21. В дальнейшем ссылки на роман будут даваться с указанием страницы после цитаты.

¹⁶ Гарди Т. 1972. Тэсс из рода Д'Эрбервиллей. М.: Художественная литература. С. 13-14. В дальнейшем ссылки на русский перевод романа будут даваться с указанием страницы после цитаты.

Следует обратить внимание на слово фамильярно-разговорного стиля «милочка», в котором сниженный эффект достигается с помощью суффикса *-очка-*, и грубо-просторечного выражения «глаза вытарашить». Вслед за этой фразой в оригинале уточнение, помещенное в скобках:

“Mrs. Durbeyfield habitually spoke the dialect: her daughter, who had passed the sixth standard in the National school under a London-trained mistress, spoke two languages; the dialect at home, more or less; ordinary English abroad and to persons of quality” (27).

Кривцова исключает из текста перевода упоминание о том, что Тэсс фактически говорила на двух языках, а сейчас бы мы назвали их вариантами английского языка – на стандартном английском и его территориальном диалекте. И только фразу «*sixth standard in the National school*» переводчица переносит в другое место текста, на с. 21, где в оригинале снова подчеркивается более высокий, по сравнению с матерью, культурный уровень Тэсс: «Между матерью – хранительницей быстро исчезающих суеверий, фольклора, местного наречия, изустно передаваемых баллад – и дочерью, обучавшейся по новым программам в шестиклассной национальной школе, пропасть была, как принято считать, в двести лет». С. 21. В оригинале здесь – перечисление реалий, характерных для викторианской Англии того времени, непонятных современному русскому читателю, этим и объясняется замена: «*Between the mother <...> and the daughter, with her trained National teachings and Standard knowledge under an infinitely Revised Code, there was a gap of two hundred years as ordinarily understood*» (29).

Рассмотрим подробнее диалектные особенности речи Джона Дарбейфилда, отца Тэсс, на примере одного из фрагментов текста:

«Well, I have heard once or twice, ‘tis true, that my family *had seen better days* **afore** they came to Blackmoor. But I took no notice o’t, thinking it mean that we had once kept two horses *where* we now keep only one. I’ve got a **wold** silver spoon, and a **wold** graven seal at home, too; but Lord, what’s a spoon and seal? ... And to think that I and these noble d’Urbervilles were one flesh all the time. ‘Twas said that my gr’t-granfer had secrets, and *didn’t care to talk of* where he come from. ... And where do we raise our smoke now, parson, *if I may make so bold*; I mean, where do we d’Urbervilles live?” (15)

На фонетическом уровне:

- ‘tis, o’t, ‘twas – it is, of it, it was.

На морфологическом уровне:

- *gr't-granfer, afore, wold* – grandfather, before, gold

Необходимо подчеркнуть, что в данных литературно-диалектных высказываниях лексических диалектизмов немного, причем прилагательное *wold (gold)* можно было бы также отнести к просторечию в значении отклоняющейся от языкового стандарта речи малограмотных людей. Таким образом, сам автор, в данном случае Т. Гарди, видит в Джоне Дарбейфилде, в первую очередь, человека необразованного, акцентируя внимание на его низком положении в социальной иерархии, и хочет, чтобы это увидел и читатель. В каждом из литературно-диалектных высказываний содержатся разговорные и просторечные обороты, которые в данном случае тоже служат одной цели – указать на низкий уровень культуры говорящего.

Перевод А. Кривцовой:

«Да, я *слыхал* разок-другой, что семья моя знавала лучшие дни *до той поры*, как приехала в Блекмур. Но я не обратил внимания, думал – речь идет о том, что когда-то мы имели двух лошадей, а теперь держим только одну. Есть у меня дома старая серебряная ложка и старая резная печать; но, *господи помилуй, велика штука* – резная печать!.. И *подумать только*, что я и эти благородные д'Эрбервилли – одна плоть и кровь! Люди *толковали*, что у прадеда моего была какая-то тайна и он не любил говорить о том, откуда пришел... А осмелюсь спросить вас, сэр, где поднимается теперь дым над нашим очагом, – *ну, то есть*, где мы, д'Эрбервилли, живем?» (7)

Слова и обороты речи, принадлежащие к разговорному и просторечному стилю и найденные переводчицей эквиваленты:

I have heard – *слыхал* – вариант формы «слышал», разговорный стиль, отклонение от языкового стандарта передано на фонетическом уровне;

once or twice – *разок-другой* – разговорный оборот, на морфемном уровне – суффикс -ок- ; *had seen* – *знавала* – вариант глагольной формы знал, на морфемном уровне – суффикс -ва- ;

afore – *до той поры* – разговорное ; *Lord* – *господи помилуй* (и снова «господи» – со строчной буквы); *what's a spoon and seal* – *велика штука* – *резная печать!*.. ; *to think* –

подумать только ; 'Twas said – толковали ; I mean – ну, то есть – частица ну, разговорное.

Отклонения от литературного стандарта на фонетическом и морфологическом уровне не отражены в переводе. Территориальный диалект А. Кривцова переводит в плоскость социального, и преподносит его читателю как речь малограмотных людей, на этом основании диалектные особенности речи Джона Дарбейфилда передаются при помощи слов разговорного стиля с вкраплениями просторечий. Но не следует упускать из виду специфическую структуру самих литературно-диалектных высказываний в оригинальном тексте: разговорных оборотов и просторечий в них содержится не меньше, чем в переводе, а ровно столько же, поэтому о компенсации здесь говорить не приходится.

Рассмотрим еще один пример построения литературно-диалектного высказывания Т. Гарди на примере речи Джона Дарбейфилда:

*“Daze my eyes, and isn’t there,” said Durbeyfield. “And here have I been knocking about year after year from pillar to post as if I was no more than the commonest **feller** in the parish. ... And how long **hev** this news about me **been knowed**, Pa’son Tringham?” (14)*

На фонетическом уровне:

- Pa’son – parson, feller – fellow, hev – have

На морфемном уровне:

- this news – неверное, с точки зрения языкового стандарта, употребление местоимения с существительным во множественном числе;
- hev been knowed – неверная, с точки зрения языкового стандарта, употребление грамматической формы времени Present Perfect.

Речь Джона Дарбейфилда в оригинале наполнена коллоквиализмами, стилистически сниженными разговорными оборотами, которые, несомненно, отвлекают все внимание на себя. Фонетические особенности немногочисленны, значительная часть отклонений от нормы приходится на орфографические «ошибки» (с точки зрения языкового стандарта). Это еще раз подтверждает мысль, что диалект в данном случае является показателем низкого культурного уровня говорящего и поэтому может быть переведен в социальную плоскость, что и происходит в переводе А. Кривцовой:

«*Лопни мои глаза! Да неужто в самом деле? – сказал Дарбейфилд. – А я-то тут болтаюсь год за годом как неприкаянный, словно самый что ни на есть простецкий парень в приходе!.. И давно это обо мне известно, пастор Трингхэм?» (6-7)*

Переводчицей были найдены следующие эквиваленты:

Лопни мои глаза – Daze my eyes; *Болтаюсь как неприкаянный* – have I been knocking about year after year from pillar to post; *самый что ни на есть простецкий парень* – as if I was no more than the commonest feller;

простецкий – commonest – суффикс -ецк-, формообразовательная единица, выделяющаяся в имени прилагательном, обозначающем признак, осложненный дополнительным субъективным оттенком, в данном случае – пренебрежительным;

парень – feller – БАС определяет это слово как разговорное в значении «молодой человек, юноша». МАС дает два значения: нейтральное «молодой человек» и фамильярное – «нестарый мужчина вообще».

Интересно другая особенность диалектной речи, которая не раз встречается в романе. В речи Джоан и Джона Дарбейфилдов шипящий согласный звук s заменяется на звонкий z: *zee (see), zet (set), cloze (close)*. Это один из тех случаев, когда писатель выбирает одну из самых характерных диалектных особенностей речи и последовательно применяет ее в речи своих персонажей как своего рода «маркер» определенного территориального диалекта.

Как уже говорилось выше, Тэсс владеет двумя языками: диалект использует для общения с членами семьи, а на стандартном английском разговаривает с людьми, имеющими более высокий социальный статус. Примечательно, что в моменты большого эмоционального напряжения в оригинале небольшой акцент возвращается, а поскольку девушка владеет стандартным вариантом английского, следует предположить, что эти особенности речи, выдающие ее происхождение, будут возвращаться на каком-то из уровней языка: на фонетическом, морфологическом, лексико-фразеологическом или синтаксическом. Проследим на примере, как говорит Тэсс в начале своего знакомства с главным протагонистом романа, Алеком Д'Эрбервиллем, представителем к привилегированного сословия:

“Mother asked me to come,” Tess continued; “and, indeed, I was in the mind to do so myself likewise. But I did not think it would be like this. I came, sir, to tell you that we are of the same family as you.” (46)

В приведенном отрывке оригинала нет никаких фонетических указаний на то, что Тэсс произносит слова с характерным уессекским акцентом. Нет здесь и лексических единиц, принадлежащих к диалектной лексике. В русском переводе, однако, переводчица допускает некоторую степень разговорной «неуклюжести», которая есть и в оригинале:

«Мать просила меня пойти, – продолжала Тэсс, – да и я сама хотела это сделать. Но я не думала, что оно так выйдет. Сэр, я пришла сказать, что мы с вами происходим из одного рода». (38)

Тогда как в другом фрагменте, где Тэсс испытывает обиду, злость, раздражение разом, диалектные особенности ее речи возвращаются:

“You ought to be ashamed of yourself for using such wicked words!” cried Tess with spirit, from the top of the hedge into which she had scrambled. “I don’t like ‘ee at all! I hate and detest you! I’ll go back to mother, I will.” (62)

- ‘ee – thee, архаическая или диалектная форма местоимения *you* (OED).

Диалектные особенности немногочисленны и представлены на фонетическом уровне, что, конечно, еще раз подчеркивает достаточно высокий уровень образования Тэсс. Переводить эти маленькие нюансы русскими диалектизмами было бы неуместно, потому что уровень лексики в оригинале не затрагивается. Фонетически воспроизвести такие единичные отклонения тоже представляется нецелесообразным. Именно поэтому в русском переводе А. Кривцова не дает эквивалентной лексической замены диалектной форме местоимения *ee*, адекватность достигается за счет разговорных синтаксических конструкций:

– Стыдно вам говорить такие нехорошие слова! – сердито крикнула Тэсс с верхушки изгороди, на которую взобралась. – Вы мне совсем не нравитесь! Я вас ненавижу! Я вас терпеть не могу! Я вернусь домой, к матери!

Еще более наглядно эта тенденция прослеживается на примере другого фрагмента. В второй главе («фазе») «Больше не девушка» героиня уезжает домой от «злодея» Алека Д'арбервилля в состоянии крайней эмоциональной подавленности:

She added mournfully "Perhaps of all *things* a lie on this *thing* would do the most good *thing* to me now; but I have honour enough left, little as 'tis, not to tell that lie. If I did love you I may have the best **o' causes** for letting you know it. But I don't. (90)

И снова отклонения от стандарта очень незначительны. Т. Гарди отображает их на фонетическом уровне:

- 'tis, o' causes – it is, of causes – редукция (редуцируемый звук заменяется апострофом)

Диалектные особенности речи переданы на фонетическом уровне. Это можно объяснить тем, что человеку, овладевшему языковой нормой на других языковых уровнях, как правило, труднее всего избавиться бывает от акцента.

Существительное *thing* повторяется в литературно-диалектном высказывании 3 раза, что может быть как следствием скудного словарного запаса Тэсс, так и отражением крайней отрешенности, подавленности: она не задумывается над тем, чтобы подыскивать синонимы.

А. Кривцова и в этот раз не отклоняется от выбранной ей стратегии, в переводе никак не передан акцент, появившийся в речи Тэсс:

«Она добавила уныло: – Быть может, сейчас ложь принесла бы мне больше пользы... Но настолько хватит у меня честности – хотя и мало ее осталось, – чтобы не солгать. Если бы я вас любила, у меня были бы все основания сказать это вам. Но я не люблю» (78).

На наш взгляд, переводческая стратегия А. Кривцовой заключается в том, чтобы как можно лучше показать разницу между героиней романа Тэсс и членами ее семьи, а также другими крестьянскими девушками, чей культурный и образовательный уровень гораздо ниже. Именно поэтому в переводе территориальный признак заменяется социальным, речь Тэсс в переводе соответствует литературной норме, разговорному ее варианту. Трудно представить себе Тэсс, произносящую «слыхала», «видала» вместо «слышала» и «видела» и тд. Отклонения от стандарта в оригинале настолько

незначительны, что в переводе излишний акцент на одном из языковых уровней – фонетическом, морфологическом, лексическом (но не синтаксическом) может привести к тому, что перевод нельзя будет назвать адекватным по причине отклонения от авторского замысла. На наш взгляд, это именно тот случай, когда переводчик может прибегать к «синтаксическим сдвигам», о которых писал еще К. И. Чуковский в книге «Искусство перевода», и передавать особенности речи при помощи синтаксиса.

Выводы

Нами были проанализирован роман «Грозовой перевал», в котором диалектная речь представлена на всех языковых уровнях. Фонетические особенности диалектной речи передаются графически. Джозеф – один из ключевых персонажей романа, его речь невероятно важна в контексте произведения. В данном случае диалектная речь служит не для того, чтобы показать низкий социальный уровень персонажа, языковая функция – поэтическая. В переводе необходимо передать диалектные особенности его речи, потому что единицам всех языковых уровней сообщается дополнительное прагматическое значение. В случае с многочисленными отклонениями от нормы на морфологическом уровне можно утверждать, что грамматическая форма не несет только лишь внутрилингвистическое значение, а является прагматическим фактором. Следовательно, эти грамматические значения можно считать свободными, и они должны быть отражены в переводе. Все они в переводе отражены быть не могут, поэтому чаще всего используется прием компенсации.

Переводчицы Н. Вольпин и И. Гурова руководствуются тем, что диалектные особенности могут сообщать о низком социальном положении говорящего и общем уровне его грамотности, на основании чего предлагает в переводе большое количество лексических эквивалентов разговорной и просторечной окраски.

На примере перевода диалектных особенностей речи оригинала русским диалектизмом *сумлеватся* нами было доказано, что перевод диалектной лексики оригинала диалектизмом на языке перевода возможен. Это значит, что распространенная точка зрения, согласно которой диалектизмы языка оригинала не могут быть переданы с помощью диалектизмов языка перевода, не вполне соответствует действительности.

Была выявлена и другая интересная переводческая тактика Н. Вольпин и И. Гуровой. Вопреки известной аксиоме переводить диалектизмы просторечиями и единицами низкого экспрессивного стиля, они используют такие лексические единицы, как «возблагодарить» и «взыскать», принадлежащие к высокому стилю. Это объясняется тем, что в оригинале Джозеф часто цитирует Священное писание. Употребление диалектизмов и просторечий в литературно-диалектных высказываниях наряду с библеизмами и высокой книжной лексикой, таким образом, могут создавать легкий комический эффект, что в целом не противоречит доминантной поэтической функции всех литературно-диалектных высказываний персонажа в оригинале.

Э. Гаскелл в романе «Север и юг» почти не прибегает к графическому изображению диалектных особенностей персонажей.

Одним из основных показателей диалектной речи в романе является большое количество отклонений от языковой нормы на морфологическом уровне, что может быть показателем низкого социального статуса говорящего. Таким образом, на первый план здесь выходит социальный аспект, и лексические единицы таких литературно-диалектных высказываний могут быть переведены с помощью просторечий и стилистически сниженной лексики, а также всевозможных отклонений от нормы на всех уровнях языка.

Коммуникативная функция рассмотренного фрагмента речевого акта Бесси Хиггинс – референтная. В русском переводе нет никаких отклонений от нормы литературного языка ни на фонетическом, ни на грамматическом уровне. В русском переводе Бесси говорит вполне литературным языком. Следовательно, такой перевод литературно-диалектных высказываний не может считаться адекватным.

Стоит обратить внимание на структуру этих литературно-диалектных высказываний. В тексте оригинала встречаются такие слова и выражения, которые мгновенно приносят просторечный характер, что позволяет охарактеризовать речь персонажа как стилистически сниженную. Доминантная функция рассмотренного речевого акта – экспрессивная.

В переводе речь Николаса Хиггинса в целом отвечает стандартам русского литературного языка, разговорной его разновидности. В ней используются просторечия постольку, поскольку они содержатся в оригинале, но они не сообщают

русскоязычному тексту такую же яркую экспрессивную характеристику. Следовательно, коммуникативный эффект оригинала не сохранен.

В романе «Тэсс из рода Д'Эрбервиллей» Т. Гарди всячески указывает на то, что героиня романа получила начальное образование и владеет как стандартным английским, так и его территориальной разновидностью.

Речь ее родителей, напротив, не соответствует языковому стандарту, что подчеркивается Гарди на всех уровнях языка. В этих литературно-диалектных высказываниях лексических диалектизмов немного, а те, что есть, можно было бы отнести к тому виду просторечия, встречающемуся в языке необразованных людей, не владеющих в достаточной степени стандартным вариантом английского, на основании того, что и те, и другие, в данном случае, представляют собой «набор разного рода грамматических, орфоэпических, семантических и других отклонений от норм литературного языка».

Отклонения от стандарта на фонетическом и морфологическом уровне не отражены в переводе. Территориальный диалект А. Кривцова переводит в плоскость социального, и преподносит его читателю как речь малограмотных людей, на этом основании диалектные особенности речи Джона и Джоан Дарбейфилд передаются при помощи слов разговорного и просторечного стиля.

Нами было выявлено, что особенности диалектной речи в редких случаях могут быть переданы на фонетическом уровне – *слыхал*.

Диалектные особенности речи главной героини немногочисленны и представлены, в основном, на фонетическом уровне. Переводить эти единичные отклонения русскими диалектизмами нельзя, потому что уровень лексики в оригинале не затрагивается, точно так же, как и передавать их в переводе на фонетическом и морфологическом уровне. Такие единичные отклонения переводить представляется нецелесообразным, тем более что на фоне целого правильная речь Тэсс противопоставляется диалектной речи ее родителей. Адекватность в данном случае достигается за счет разговорных синтаксических конструкций.

Было выявлено, что единицы диалектной лексики могут также переводиться на морфемном уровне с помощью аффиксов. Мы разобрали это на примере суффиксов *ак-*,

-ок-, -ва- , -ух- как показателей грубовато-фамильярной разговорной речи, но такими показателями могут быть и приставки, например приставка *при-* в слове *приврать*.

Заключение

Во введении нами была сформулирована следующая **цель**: выявить и теоретически обосновать возможности перевода лексических единиц, принадлежащих к территориальным диалектам. В ходе исследования мы также надеялись определить, какие особенности диалектной речи персонажей литературных произведений должны быть отражены в переводе и на каких языковых уровнях это может быть сделано. Мы полагаем, что на поставленные вопросы можно ответить так: выбор того или иного способа, как и тех особенностей, которые должны быть отражены в переводе, может зависеть от доминантной коммуникативной функции, которую выполняет в конкретном художественном произведении диалектная речь. Перевод может быть осуществлен на лексико-фразеологическом уровне при помощи просторечий, единиц разговорного стиля и экспрессивно окрашенной лексики, на фонетическом – с помощью провинциализмов (единиц диалекта, не соотносящихся с какой-то определенной территорией), на морфологическом уровне – с помощью аффиксации, на синтаксическом уровне – с помощью разговорных и эмфатических конструкций.

Там же, во введении, нами были поставлены задачи, которые мы намеревались решить для достижения поставленной цели. В представленной работе:

- определение понятию «диалект» дано (с. 17);
- возможности реализации лексических единиц, принадлежащих к территориальному диалекту, в художественной литературе рассмотрены (с. 23);
- определение понятию «литературно-диалектных высказываний» дано, механизм соотношения в них диалектной лексики, слов разговорного стиля и просторечий в тексте оригинала определена (с. 28-29);
- как отражаются разными переводчиками особенности оригинального текста, содержащего диалектную лексику, в переводе, описано (с. 37 – 67);
- различия в использовании языковых средств в соответствующих текстах в двух языках обнаружены и соотнесены с оригинальными текстами, содержащими лексические единицы территориально диалекта.

Все это позволяет полагать задачи решенными, а цель предпринятого исследования достигнутой.

Библиография

1. Арнольд И. В. 2010. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука.
2. Бархударов Л. С. 2010. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ.
3. Белошапкова В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. 1989. Современный русский язык. М.: Высшая школа.
4. Беляева Т. М., Хомяков В. А. 1985. Нестандартная лексика английского языка. СПб.: ЛГУ имени А. А. Жданова.
5. Виноградов В. С. 1978. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета.
6. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. 1981. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука.
7. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 2004. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова.
8. Комиссаров В. Н. 2008. Лингвистика перевода. М.: Книжный дом «Либроком».
9. Комиссаров В. Н. 2011. Современное переводоведение. М.: Р. Валент.
10. Лаптева О. А. 2003. Теория современного русского литературного языка. М.: Высшая школа.
11. Левый И. 1974. Искусство перевода. Москва: Прогресс.
12. Любимов Н. 1977. Перевод – искусство. М.: Советская Россия.
13. М. М. Маковский. 1980. Английская диалектология. М.: Высшая школа.
14. Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/sepir/14.php 8.05.2015.
15. Соколова М. И., Тихонова И. С., Тихонова Р. М., Фрейдина Е. Л. 2010. Теоретическая фонетика английского языка. Дубна: Феникс+.
16. Федоров А. В. 1983. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа.
17. Чуковский К. И. 1988. М.: Высокое искусство. Советский писатель.
18. Рецкер Я. И. 1974. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения.
19. Смирницкий А. И. 1957. Синтаксис английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках.

20. Швейцер А. Д. 1988. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука.
21. Яковлева М. А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста. М. 2008. – <http://www.thinkaloud.ru/science/yak-disser.pdf> 8.05.2015.
22. Brook G. L. 1965. English Dialects. London: Deutsch.
23. Chambers J.K., P. Trudgill. 1993. Dialectology. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Fegan M. 2008. Wuthering Heights: Character studies. London: Continuum.
25. Hughes A., Trudgill P., Watt D. 2012. English accents and dialects. London: Hodder Education.
26. Kreilkamp I. 2005. Voice and the Victorian Storyteller. Cambridge: Cambridge University Press.
27. Trudgill P. 2007. The Dialects of England. Malden, Mass. [etc.]: Blackwell Publishing.
28. Petyt K. M. 1980. An Introduction to Dialectology. London: Deutsch.

Лексикографические источники

1. Большой толковый словарь русского языка под ред. Кузнецова. 1998. М.: Норинт.
2. Большой академический словарь русского языка. 2007. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2014.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 1956. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
4. Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. 1999. М.: Русский язык: Полиграфресурсы.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х томах. 1997. М.: Цитадель.
6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка под ред. А. Н. Тихонова в 2-х томах. 2004. М.: Флинта: Наука.
7. Collins English Dictionary. 2006. Glasgow: HarperCollins Publishers.
8. Longman Dictionary of English Idioms. 1980. Bath: The Pitman Press.
9. Oxford American Dictionary. 1980. New York ; Oxford : Oxford University Press.
10. Oxford Dictionary of English Idioms. 1993. Oxford; New York: Oxford University Press.
11. Oxford Dictionary of English. 2010. Oxford; New York: Oxford University Press.

Литературные источники

1. Бронте Э. 2000. Грозовой перевал. М.: ЭКСМО-Пресс.
2. Гарди Т. 1972. Тэсс из рода Д'Эрбервиллей: Чистая женщина, правдиво изображенная. М.: Художественная литература.
3. Гаскелл Э. 2013. Север и юг. М.: Иностранка.
4. Bronte E. Wuthering Heights. Harmondsworth: Penguin Books Ltd.
5. Gaskell E. 2002. North and South. London: Wordsworth Editions Limited.
6. Hardy T. 2005. Tess of the D'Urbervilles. New York: Oxford University Press.

Kokkuvõte

Selle töö eesmärk – uurida ja teoreetiliselt põhjendada murdesõnavara tõlkemise võimalusi inglise viktorianlikku kirjandise varal kaasaegsesse vene keelde. Uurimuse käigus me loodame ka määratleda, millised murdepärasused peavad olla tõlgitud ja millistel keele tasanditel on võimalik seda teostada.

Antud töö koosneb kahest peatükist. Sissejuhatuses põhjendakse uurimuse aktuaalsust, määratakse käsitusobjekti ja uurimisainet, sihtmärke ja ülesanneid, selgitakse teoreetilist tähenduslikkust ja praktilist väärtust, viidakse kasutatud meetodid ja materjalid.

Esimene peatükk analüüsitakse territoriaalsete murdekõnede mõistet, defineeritakse kirjanduslikku-murde väljendusi mõistet. Uuritakse ka murdesõnavara realiseerimise võimalusi ilukirjanduses ja nende tõlkimise strateegiad.

Teises peatükis ilukirjanduse fragmentide ja nende venekeelsete tõlgete varal analüüsitakse kirjanduslikku-murdekõne väljendusi leksikaalne koosseis, erinevate leksikaalsete kihtide mõjustamise mehhanism ning käsitlekse nende tõlkimise võimalusi.

Uurimistöö lõppus üldistakse uuringute tulemusi ja esitakse kasutatavate allikate ülevaadet.

Asetatud küsimusele saab vastada järgmisel viisil: tõlge võib olla teostatud leksika-fraseoloogilise tasandil madalkeelsuste, kõnekeele funktsionaalse stiili keelendite ja ekspressiivse sõnavara kaudu, foneetika tasandil – provintsialismide abil (keelendid, mis ei ole seotud konkreetse territooriumiga, morfoloogilisel tasandil – afiksrite kaudu, süntaksi tasemel – kõnekeele ja emfaatilise konstruktsioonide abil. Nii tõlkimisviised, kui murdepärasused, mis peavad olema tõlgitud, sõltuvad dominantsest kommunikatiivsest funktsioonist, mille selles konkreetses kirjandusteoses teostab murdekõne.